

ДЕЛИЯ РОССИ

Законный
БРАК

16+

Деляя Росси

Законный брак

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Росси Д.

Законный брак / Д. Росси — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что делать одинокой вдове, у которой почти не осталось денег, но зато в избытке долгов и обязательств? Правильно. Попытаться найти состоятельного мужа. Именно к такому убеждению я пришла, когда мне в очередной раз отказали в ссуде, а домовладелец настойчиво потребовал оплатить жилье. И теперь у меня осталось всего несколько дней, чтобы найти супруга и при этом избежать сетей одного из самых известных уэстенских сердцеедов, лорда Джеймса Кейна, объявившего меня своей добычей. А еще мне предстоит раскрыть тайну своего рождения и разобраться с собственной магией, совершить странное путешествие и... Впрочем, обо всем по порядку.

© Росси Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Делия Росси

Законный брак

ГЛАВА 1

Парадная дверь громко хлопнула, заставив меня поморщиться. Ушел. Еще один пустой эпизод моей жизни, который закончился так быстро, что я даже привыкнуть не успела – ни к мужчине, ни к его запаху, ни к его глазам. Спроси меня, какого они цвета, я бы толком и не ответила. То ли серые, то ли грязно-голубые. Сплошная неопределенность, как и в наших недолгих отношениях. Три месяца... Три месяца непонятных хождений вокруг да около и попыток уложить меня в постель, без единого слова о женитьбе. И вот сегодня, после моего прямого вопроса о том, что будет после, потенциальный кандидат в мужья оказался слишком нерешительным, чтобы противостоять собственной маменьке. Та посчитала меня недостаточно состоятельной для законного брака с ее сыном. «Ты же понимаешь, Кэролайн, моя мать не позволит мне жениться на девушке без приданого», – заявил Гордон. Конечно, как же не понять!

Сердце неприятно заныло. Представилось, что будут говорить знакомые и соседи, какие любопытные и приторно-сочувствующие взгляды придется вытерпеть, сколько удовольствия испытают мои так называемые подруги...

А, плевать! Мне не привыкать к пересудам и сплетням. В нашем благословенном Уэстене это единственное бесплатное развлечение для горожан, так стоит ли удивляться тому, что они столь охотно ему предаются?

Я подошла к окну и раздвинула занавески. Яркие солнечные лучи хлынули в комнату, мгновенно обнажив то, что при тусклом освещении не слишком бросалось в глаза: дешевую мебель, отсутствие ковра на полу, чуть более темные квадраты на обоях, оставшиеся от проданных картин. Точнее, я предпочитала думать, что все это не очень заметно, но сейчас, в безжалостном свете, льющемся из высоких створок, мое пристанище выглядело удручающе неприглядным. Видела бы матушка, до чего я докатилась...

– Госпожа, там приехал господин Вейс.

В дверь гостиной бочком протиснулась Ильда.

– Стучит у ворот.

Боже! Только этого упыря не хватало! Что ж за день-то такой?

– Сказать ему, что вас нет дома? – спросила служанка, поблескивая сметливыми темными глазами.

– Нет, пусть подождет, я сейчас спущусь.

Толку обманывать? Долги-то за меня никто не выплатит, нужно идти договариваться об отсрочке.

– Хорошо, госпожа, – кивнула Ильда, но в голосе ее послышалось сомнение.

Ничего удивительного. Иль как никто другой знает, что у меня почти не осталось денег. Я и ей за пять месяцев задолжала, но она пока не уходит. Видимо, надеется, что я как-нибудь выкручусь. Раньше ведь тоже тяжелые времена бывали, но мне всегда удавалось удержаться на плаву. Хотя, сдается мне, что Ильда не уйдет, даже если я ей вовсе платить не буду. Разве кто-то еще выдержит ее бесконечное ворчание и постоянное самоуправство? Вряд ли. За те десять лет, что Иль у меня служит, она сумела полностью прибрать к рукам мой быт и приобрести твердую уверенность в том, что без нее я не выживу. Что ж, не мне ее разубеждать.

– Предложи господину Вейсу чаю, – открыв потайной ящичек секретера, велела служанке. – Может, подobreет.

– Простите, госпожа Кэролайн, но чай у нас еще третьего дня вышел, – сомнение в голосе Ильды сменилось на неодобрение.

– Да? Странно, а я не заметила.

– Еще бы вы заметили, – проворчала служанка. – Я ведь вместо заварки травки и сушеные ягоды в чайник кидаю. Прошлым летом заготавливала, вот и пригодились. Не простые травки, особые – они и настроение улучшают, и силы придают, и хандру прогоняют.

Иль приосанилась, выпятив свою едва заметную грудь, и вскинула подбородок. Мать Ильды была деревенской знахаркой и кое-какие знания передала дочери, вот моя служанка и применяла их на практике, тобишь на мне.

– Что бы я без тебя делала? – подсчитывая оставшуюся наличность, пробормотала я.

– Да уж с голоду бы померли, не иначе, – хмыкнула служанка и спросила: – Так что, сказать этому, чтобы ждал?

– Да, проводи его в кабинет, я сейчас подойду.

Ильда что-то тихо проворчала и покинула комнату, а я снова принялась пересчитывать деньги. Глупое занятие, конечно. И без пересчета ясно, что там и половины нужной суммы нет. Взгляд пробежался по гостиной. Что я могу заложить? Маленькое бюро? Последнюю оставшуюся картину мэтра Джовелли? Рояль?

Я подошла к инструменту и коснулась гладких холодных клавиш. Нет, с ним я ни за что не расстанусь. Пусть у меня не так много учеников, но это мой единственный заработок.

Рука потянулась к стоящей на маленьком придиванном столике шкатулке. Может, продать отцовские часы?

Сердце болезненно сжалось. Нет. Не смогу. Это ведь единственная память о моей семье! Ладно. Попробую уговорить Вейса еще немного подождать, а сама тем временем что-нибудь придумаю.

Поправив волосы, вскинула голову и решительно направилась к выходу. Ничего. И не с такими справлялась, что мне какой-то домовладелец?

– Господин Вейс, рада вас видеть!

Голос звучит приветливо, по губам скользит радушная улыбка. Главное, не показывать неприязни и волнения, но в этом я мастер. Жизнь научила улыбаться даже тогда, когда хочется плакать.

– Добрый день, госпожа Дерт, – на худом, желчном лице гостя появилась кислая мина, которая должна была изображать радушие. Правда, чего-чего, а радушия Вейсу судьба при рождении не отмерила. Забыла, наверное.

– А вы все хорошеете, – уголки тонких губ чуть приподнялись, но общей картины это не улучшило.

Странное дело. Почему-то всегда, когда вижу Вейса, мне кажется, что у него что-то болит. То ли печень, то ли желудок, а может, даже сердце, если оно имеется. Уж слишком вид у домовладельца недовольный. Или это издержки профессии? Вейсу принадлежат несколько домов в Среднем Уэстене, и он регулярно обходит каждый, лично взимая с жильцов арендную плату. Мне порой казалось, что в роду distinguished Джонатана Вейса наследили вампиры, а иначе чем объяснить такую явную любовь к страху и унижениям жертв-арендаторов? К тому же и внешность у Вейса характерная, одни выступающие клыки чего стоят. Нет, самих вампиров в Эшере давно уже нет, их истребили почти сто лет назад, но напоминания о пребывании кровососов на благословенных землях империи все еще встречаются.

– Не желаете ли чаю? Мне недавно привезли из Уинкса новый сорт, – оставив ненужные размышления, обратилась к гостю.

Ильда, застывшая у двери, издала какой-то странный горловой звук.

– Не откажусь, госпожа Дерт, – после небольшой паузы кивнул домовладелец. – Погода нынче ветреная, неплохо бы согреться.

– Ильда, завари нам чаю, того, что в синей коробке, – с намеком посмотрела на служанку.

– Да, хозяйка, – сообразив, к чему я клоню, откликнулась та. – Уже иду.

Вот за что ценю Иль, так это за смекалистость.

Дверь за служанкой закрылась, а я указала гостю на кресло.

– Присаживайтесь, господин Вейс.

– После вас, госпожа Дерт, – вспомнил о вежливости домовладелец, но от меня не ускользнул его цепкий, полный безжалостного расчета взгляд.

Хотя, чего еще ожидать от дельца?

Я уселась на диван, не забыв чуть приподнять юбку и приоткрыть ноги. Хороший отвлекающий маневр никогда не бывает лишним при разговоре с мужчинами. Особенно, если речь идет о деньгах.

– Госпожа Дерт, вы ведь догадываетесь, зачем я пришел? – глуховато кашлянув, спросил Вейс.

Он медленно оглядел комнату и остановился на мне. Точнее, на моих щиколотках.

– Ах, господин Вейс, только не говорите, что вас привела ко мне работа.

Я произносила слова легко и беззаботно, совсем не испытывая ни первого, ни второго. Скорее бы Ильда принесла чай, может, ее травки сделают свое дело, и домовладелец окажется более сговорчивым?

– Увы, госпожа Дерт, я бы и рад заглянуть к вам просто так, но, сами понимаете, дела...

На желчном лице снова появилось странное выражение. Нечто среднее между гримасой боли и дружеским оскалом. Длинные желтые клыки обнажились, напомнив, что в роду почтенного домовладельца наследили вампиры, лоб сморщился, и тонкие, будто выщипанные брови исчезли в складках дряблой кожи.

– Вот, кстати, о делах...

– Чай, госпожа, – громко протрубила от двери Ильда и, ловко обогнув гостя, поставила поднос на стол.

А потом встала между мной и Вейсом и выжидательно посмотрела мне в глаза.

– Спасибо, Иль, ты можешь идти, – улыбнулась я служанке, разливая по чашкам душистый золотистый отвар. – Чувствуете, какой аромат? – посмотрела на Вейса. – Лучший высокогорный чай с плантаций Ридии. Угощайтесь, – я поставила перед домовладельцем изящную чашку из тонкого верейского фарфора.

Когда-то у меня был полноценный сервиз, но большую его часть пришлось сдать в ломбард, и сейчас от бывшего великолепия остались всего две чайные пары, да и те Ильда доставала только в очень особенных случаях. Например, как сегодня.

– Да, пахнет... незнакомо, – в голосе гостя послышалась доля сомнения. – Но вкусно.

– Пробуйте, – я старалась быть насколько возможно милой. – Уверена, вам понравится.

Вейс поднес чашку к губам, сделал глоток и одобрительно кивнул.

– Дорогие сорта сразу чувствуются.

Еще бы! Не знаю, что за травки кидает в чайник Ильда, но вкус у них отменный. И чего, спрашивается, я раньше на заварку тратилась? Хотя, глупый вопрос, конечно. Хороший чай всегда был моей слабостью. Что может поднять настроение лучше, чем чашечка ароматного горячего напитка? А уж в условиях нашей вечной сырости, так и подавно!

– И совсем не похожи на обычные, – добавил Вейс.

Я из-под ресниц посмотрела на домовладельца. Тот выглядел если не счастливым, то хотя бы не таким желчным, как обычно. Он сделал еще один глоток, поднес чашку к длинному крючковатому носу, вдохнул аромат и снова одобрительно кивнул. А потом откинулся

на спинку кресла, продолжая держать в тонких, почти женских пальцах белоснежный фарфор, и закинул ногу на ногу.

– Как поживает ваша супруга, господин Вейс?

Я торопилась увести разговор в русло обычной светской беседы, зная по опыту, что после нее домовладелец будет настроен более благодушно.

– Благодарю. Госпожа Вейс чувствует себя хорошо. Недавно вот на воды ездила. Вы не поверите, госпожа Дерт, вернулась она оттуда помолодевшей лет на десять.

– Ваша жена была в Лоубридже?

– Да. Там сейчас самый сезон, – зачерпнув ложкой из креманки варенье, ответил домовладелец. – Тепло, знаете, и нет этой несносной сырости, от которой вечно ноют суставы. Удивительно, как вашей служанке удастся готовить такое вкусное варенье из ревения? – отвлекся он. – Надо бы нашу Мэри к ней направить, пусть бы поучилась.

– Думаю, Ильда с радостью поделится с Мэри рецептом, – ответила я и тут же услышала, как за дверью что-то грохнуло.

Ну да! Иль не могла не подслушать наш разговор.

– Я пришлю ее к вам, – на лице домовладельца снова появилось то непонятное выражение.

– А как ваши девочки? Мне сказали, они вернулись из пансиона?

– Да, только вчера.

Вейс задумчиво поскреб длинным ногтем плохо выбритый подбородок.

– Госпожа Вейс собирается устроить в честь их возвращения ужин. Накладно, конечно, но что поделаешь? Мы не можем не отпраздновать такое важное событие. К тому же, и соседи этого ждут.

В глазах домовладельца мелькнуло сожаление. Я буквально физически ощущала, как борются в нем нежная отцовская привязанность к детям с неискоренимой жадностью.

– Накладно, да, – снова повторил он и резким движением отставил чашку. Ложечка жалобно звякнула о край блюда.

– Госпожа Дерт, спасибо вам за чай, но я хотел бы получить свои деньги. Все десять олдеров и ни кером меньше, – решительно произнес домовладелец.

– Господин Вейс, могу я попросить вас о небольшой отсрочке? – после короткой паузы подняла взгляд на гостя. – Буквально на днях я должна получить чек от полковника Рента – вы ведь помните его? Я занимаюсь с дочерью полковника музыкой. И тогда сразу же отдам вам всю сумму.

Я с улыбкой смотрела на Вейса, а в голове билось только одно: – «Ну же, соглашайся! Ты должен согласиться!»

– Госпожа Дерт, это ведь не первая отсрочка. Вы уже должны мне за два месяца, и я хочу быть уверен, что однажды получу свои деньги. Что бы там ни говорили, а они мне нелегким трудом достаются!

На правой щеке домовладельца дернулся желвак.

– Господин Вейс, вы же понимаете, как сложно в наши дни выживать несчастной вдове, – я поднесла к глазам платочек и склонила голову, делая вид, что утираю слезы. Искорка магии, что тлея внутри, разгорелась чуть ярче. – Я стараюсь, так стараюсь...

– Госпожа Дерт, ну что же вы, не нужно! – заерзал в кресле Вейс. – Такая красивая женщина не должна плакать.

Я еще ниже склонила голову и плотнее прижала к глазам платок. В горле запершило, как перед настоящими слезами.

– Ну, хорошо, – сдался домовладелец. – Я дам вам неделю, но исключительно входя в ваше положение. Надеюсь, за это время вы сумеете найти деньги, иначе вам придется съехать. У меня все-таки не благотворительная гостиница.

Он кашлянул, поднялся и, неуверенно протянув руку, коснулся моего плеча. Правда, тут же, будто обжегшись, отдернул ее и неловко переступил с ноги на ногу.

– Вот что я вам скажу, госпожа Дерт, – после небольшой заминки произнес Вейс. – Найдите себе мужчину и переложите на него весь груз своих забот. Не годится такой нежной и благородной женщине самой разбираться с делами. Всего доброго.

Он повернулся и вышел из комнаты, а я подняла глаза и посмотрела на тихо закрывшуюся дверь. Получилось! Малой толики силы, что досталась мне от маменьки, хватило на то, чтобы сделать из бездушного скряги Вейса нормального человека! Жаль, что ненадолго.

Я подошла к окну и чуть отодвинула штору, наблюдая за спустившимся со ступенек гостем. Тот попрощался с Ильдой, бодро дошел до ворот, но потом остановился и повернулся, окидывая особнячок растерянным взглядом. Ага. Похоже, я была права, надолго моего внушения не хватило. Вон как Вейс нахмурился! Видно, осознал, наконец, что произошло.

Я видела, как он скривился, что-то пробормотал и расстроенно махнул рукой. А потом резко развернулся и почти бегом выскочил за калитку. Что ж, хотя бы не вернулся, и то хорошо!

– Вот старый хрыч, ведьмой вас обозвал!

Ильда протиснулась в комнату и застыла при входе, скрестив на впалой груди тонкие жилистые руки. Была у моей служанки странная привычка никогда не открывать дверь полностью. Сначала появлялась узкая щель, потом она становилась чуть шире, и в нее протискивалась нескладная тощая фигура.

– Что, снова заговорили его до потери памяти и соображения? – понимающе усмехнулась Иль. На ее худом, смуглом лице еще резче обозначились морщины. – Впрочем, как и всегда.

– Скажешь тоже, – покачала головой, раздумывая, где взять денег. – Мы всего лишь побеседовали, и Вейс согласился дать мне отсрочку.

– Знаю я ваши беседы, – пробормотала Ильда. – Небось, через пять минут он уже готов был есть у вас с рук.

– Брось, Иль, – отмахнулась я.

Признаваться, что воспользовалась магией, не хотелось. Не слишком-то в нашем королевстве магию внушения жалуют, и мне, если не хочу прослыть ведьмой, лучше о своих способностях особо не распространяться.

– Это все твои травки, – посмотрела я на служанку. – Вейс после них просто шелковым стал.

– Ну, так-то да, лорник от душевных недугов хорошо помогает, а если его с арникой смешать, то даже самую лютую тоску прогонит.

Ильда приосанилась и уставилась на меня своими черными, похожими на крупные вишни, глазницами.

– Вот видишь, – улынулась я. – У господина Вейса просто не было шансов.

– Ладно, от одной беды избавились – это хорошо, а с деньгами-то что? Мясник отказался в долг отпустить, и у бакалейщика нам кредит закрыли, а госпожа Олдени грозит в суд подать, если мы ей за прошлые три месяца не заплатим.

– Деньги я найду, – как можно тверже ответила служанке. – Не переживай, Иль. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Ильда кивнула, будто нисколько не сомневалась в моей способности добыть нужную сумму, и молча пошла к двери.

– А этот ваш что? – уже взявшись за ручку, неожиданно обернулась она. – Насовсем ушел?

Иль никогда не называла Гордона по имени, ограничиваясь неодобрительным «этот». С самого первого дня, как Гордон Стрейн появился у нашего порога с букетом гиацинтов и нерешительной улыбкой, Ильда не скрывала своей неприязни к моему новому ухажеру. «Госпожа Эдит не одобрила бы этого знакомства, – ворчала служанка. – Не годится дочери приличного

человека со всякими безродными связываться!». Иль не хотела понимать, что Гордон довольно востребованный доктор с обширной практикой и неплохим годовым доходом. Нет. Упрямая служанка никак не могла забыть, что начинала свою службу в доме моего папеньки, господина Логана Уэтерби, отставного полковника кавалерии личного императорского полка.

– Или вернется, как всегда? – не отставала Ильда.

– Насовсем, – вздохнула в ответ.

– Ну, коли дурак, так туда ему и дорога, – буркнула Иль и вышла из кабинета, а я покачала головой и поднялась с дивана, собираясь навеститься в банк. Может, удастся взять небольшую ссуду?

Одевалась я тщательно. Перелицованный шерстяной костюм сел идеально, тонкий кружевной воротничок блузки удачно оттенил глаза и легкий румянец, маленькая фетровая шляпка увенчала собранные в высокую прическу волосы, а тонкие перчатки плотно облепили руки. Взгляд, брошенный в зеркало, заставил улыбнуться. Все-таки, несмотря на мои почти тридцать, больше двадцати мне никто не даст!

«Выше нос, Кэри, – подбодрила себя. – Нет такой ситуации, из которой невозможно было бы не найти выход!». Этой фразой я пользовалась последние пять лет. И знаете? Она меня еще ни разу не подвела. Как бы ни было сложно, выход действительно всегда находился.

Я поправила непокорную светлую прядь, подхватила со столика сумочку и решительно вышла из дома.

На улице было прохладно. Лето в этом году выдалось сырым, больше похожим на осень. Наш благословенный Эшер погода и так не слишком-то балует, а тут, как назло, за месяц почти ни одного по-настоящему теплого дня.

Я посмотрела на небо. Серые свинцовые тучи нависли над городом, срываясь первыми крупными каплями. Дождь падал на ступеньки крыльца, оставляя на светлых плитах темные следы. Ветер раскачивал ветви растущего напротив клена, безжалостно трепал остроконечные листья, в воздухе отчетливо пахло влагой.

Да, хорошую погоду я выбрала для похода в банк! Не хватало еще промокнуть!

– Ильда! – приоткрыв дверь, позвала служанку.

– Иду! – послышалось из глубины коридора, а вслед за этим раздался оглушительный грохот.

– Принеси мой зонт, – попросила я, стараясь перекричать звенящие металлические звуки.

– Да слышу я, не глухая, – отозвалась Иль и выругалась: – Проклятое ведро!

Ага, теперь понятно, откуда взялся этот шум. Похоже, Ильда затеяла уборку.

Служанка появилась спустя пару минут с зонтом в одной руке и метелкой для пыли в другой.

– Неужели снова дождь? – высунувшись за дверь, удивилась Ильда. – А ведь еще полчаса назад никаких туч не было.

Я усмехнулась. Полчаса назад я никуда не собиралась, потому и туч не было. Дождь «охотился» за моим единственным приличным костюмом, несомненно! Только за последние две недели это был уже пятый случай!

– Может, не пойдете? – озабоченно нахмурилась служанка.

– А деньги кто искать будет? – хмыкнула в ответ.

– Видела бы госпожа Эдит, до чего вас жизнь довела, – горестно вздохнула Иль.

Я не стала отвечать на провокацию. Молча открыла зонт и спустилась по ступеням. Дождь, будто того и ждал, припустил сильнее.

– Ох и погода! – не дождавшись от меня желаемого продолжения нашего вечного спора, проворчала Ильда и захлопнула дверь, а я упрямо стиснула зубы и пошла к калитке.

Ничего. Возьму ребс. Полкера – не те деньги, из-за которых стоит портить свой единственный прогулочный костюм.

На Карстон-сел было немногочленно. Редкие прохожие укрывались от дождя зонтами, на дороге уже успели появиться лужи, порыв ветра кинул мне в лицо мелкую водяную пыль и попытался сбить шляпку. Как бы не так! Не для того я полчаса делала укладку!

Я поправила волосы, укрылась зонтом и вскинула руку, останавливая проезжающий ребс.

– Куда вам? – вяло поинтересовался извозчик.

Был он худым, длинноносым и выглядел таким же неприкаянным, как и пара костлявых лошадей, запряженных в повозку.

– На Кеттер-сел. К банку «Кейн-Империял».

Я нырнула в темное, пропахшее мышами нутро и уселась на жесткую скамью.

– Но! Трогай! – выкрикнул извозчик, ребс дернулся и покатил в сторону Велльской площади. Дождь припустил сильнее. Он стучал по крыше, хлестал по грязным стеклам окошек, просачивался сквозь неплотно подогнанные швы в стенах кабинки.

Я отодвинулась подальше от стекающего по черной краске тонкого ручейка и задумалась. Дадут ли мне ссуду? Сто олдеров – не такой уж большой заем. В прошлый раз мне не составило труда убедить банковского служащего в своей кредитоспособности, удастся ли сделать это снова? Если будет работать тот молоденький паренек, вполне возможно, а вот если кто-то постарше – мою просьбу вряд ли одобрят. В залог-то мне оставить нечего. Разве только папенькины часы, но примут ли их в качестве обеспечения?

В этот момент ребс качнуло на повороте, и я больно ударилась локтем о выступающий поручень. Какие все-таки неудобные эти кабинки! Потерев руку, выглянула в окно и увидела мелькнувший размытый силуэт. Уэстенский Малый театр. В мутных потоках воды, стекающих по стеклам, большое приземистое здание казалось декорацией к мрачной пьесе Шентона.

Ребс свернул на Кеттер-сел, проехал еще немного и остановился перед серым гранитным фасадом банка. На портике сияла золотом огромная, заключенная в круг буква К – символ процветающего семейства Кейнов, одного из самых известных и богатых родов Уэстена. С самым владельцем, лордом Джеймсом Кейном, я была знакома, но в последние годы мы почти не виделись, так что это знакомство можно было считать условным.

Я открыла дверцу, подняла над головой зонт и ступила на залитую водой мостовую. Вот оно, главное место города. Когда-то мой отец был вкладчиком «Кейн-Империял», но те благословенные времена ушли в далекое прошлое...

– Благодарю, – я сунула в протянутую руку извозчика мелкую монетку и заторопилась к массивной двери, открывающей вход в денежное капище.

Внутри было прохладно и тихо, как в святилище. За прошедшие с моего последнего визита два года здесь многое изменилось. Раньше посетители попадали в небольшой холл, из которого можно было пройти в главный зал, но теперь перегородку убрали, и сразу от входа открывалось огромное полукруглое пространство, заполненное многочисленными служащими. Они сидели за конторками, стоящими вдоль стен, и что-то усердно писали, а прямо в центре, под огромной люстрой, располагалась бронзовая скульптура, изображающая богиню равновесия Верею и застывших у ее ног людей. Вверху, под самым потолком, бесшумно плавали плоские магсы – магические лампы, рассеивающие мягкий, похожий на солнечный свет. У дверей замерли двое дюжих охранников в темно-синих мундирах. На фоне позолоченных колонн парни смотрелись довольно внушительно, а крупные пуговицы их формы соперничали блеском с пилястрами колонн.

– Вам помочь?

Пока я рассматривала изменившийся зал, ко мне подошел один из служащих – высокий, похожий на циркуль человек.

– Да, я хотела бы взять ссуду.

Я улыбнулась, по опыту зная, что это всегда располагает мужчин. Правда, на «цикуль» моя улыбка не подействовала. Он окинул меня безразличным взглядом и сухо сказал:

– Я вас провожу.

Служащий отправился к одной из конторок, и я двинулась за ним. Мы шли мимо длинного ряда стоек, я разглядывала склонившихся над бумагами клерков, гадая, кому из них повезет со мной общаться, но «цикуль» все не останавливался. Он чуть раскачивался на ходу, отчего его длинное тело склонялось то вправо, то влево, а полы темно-синего сюртука хлопали по ногам с неприятным свистящим звуком. Интересно, что же это за ткань такая? Стук моих каблучков казался слишком громким в окружающей тишине, но склонившиеся над бумагами люди не обращали на нас никакого внимания. Похоже, служащие «Кейн-Империял» были полностью поглощены работой.

– Господин Кроули, к вам клиентка, – «цикуль» наконец остановился и представил меня сидящему за одной из конторок серьезному седому мужчине. На лацкане его пиджака виднелась небольшая бирка. «Уинстон Кроули» – прочитала я.

– Добрый день. Чем могу вам помочь? – внимательно посмотрел на нас Кроули, и мне показалось, что он одним-единственным взглядом оценил и меня, и мою платежеспособность. Точнее, отсутствие таковой.

Мой провожатый не торопился уходить. Он встал чуть поодаль и сверлил мою спину внимательным взглядом. Непозволительное любопытство!

– Здравствуйте, – стараясь не терять уверенности, обратилась к служащему. – Пять лет назад я брала в вашем банке ссуду. И сейчас мне хотелось бы взять еще одну.

– Ваше имя?

– Кэролайн Дерт.

– Минуточку, – Кроули подошел к огромному шкафу, сделал неуловимый пасс и ящичек с табличкой, на которой значились буквы Г и Д, бесшумно выдвинулся вперед.

Надо же! Видимо, Кейн не только перестроил банк, но и оснастил его магической системой учета. Впрочем, чему я удивляюсь? Эта семья всегда шла в ногу со временем, наверное, потому и удержалась на плаву и в печально известное правление императора Трина, и в нелегкие годы депрессии.

– Карстон-сел, двадцать пять? – доставая тонкую папку, спросил он.

– Да.

– Что ж, госпожа Дерт, какую сумму вы рассчитываете получить?

– Сто олдеров.

– Так, посмотрим. В прошлый раз вы брали сто десять олдеров на три года. Но выплаты процентов были нерегулярными, а последний платеж вы задержали больше, чем на месяц.

На лице служащего промелькнуло едва заметное недовольство.

– У меня были некоторые обстоятельства, не позволившие расплатиться в срок.

Я смотрела на Кроули, посылая тому волну доверия и благодушия, и надеялась, что моя магия сработает. Но, похоже, новая стеклянная перегородка, отделяющая работников банка от клиентов, полностью защищала сотрудников от воздействия извне.

– Прошу прощения, госпожа Дерт, вам придется немного подождать, – в голосе служащего сквозило вежливое сожаление.

– Но...

Договорить я не успела. В тишине зала что-то произошло, мне показалось, что воздух задрожал, завибрировал, сгустился и стал похожим на сливочное масло. Странное ощущение. Я услышала неясный шум, обернулась и увидела стремительно пересекающего холл лорда

Кейна – владельца банка и главного ловеласа не только Уэстена, но и всей округи. О его победах не слышал разве что глухой, а я глухой никогда не была.

Сердце неровно дернулось. Дыхание сбилось, и мне пришлось приложить усилие, чтобы взять себя в руки.

– Горди, через несколько минут должен прийти господин Блайт, – донесся до меня низкий голос владельца «Кейн-Империял».

Лорд Кейн на ходу просматривал какие-то бумаги, а рядом с ним семенил маленький, похожий на мяч для скрибола человечек, одетый во все черное и больше напоминающий не клерка, а гробовщика.

– Да, лорд Кейн, – голос Горди оказался удивительно высоким и тонким, как у маленькой девочки.

– Проследи, чтобы барон без задержек прошел сразу ко мне.

– Хорошо, лорд Кейн, – пискнул Горди.

Хозяин банка быстро миновал зал и исчез за одной из дверей, а я, вспомнив, зачем пришла, повернулась к Кроули.

– Итак, вам нужны сто олдеров на... Минуточку.

Он отвлекся на зазвонивший переговорник. Вот, кстати, еще одна новинка. Такие устройства только входили в обиход и завести их могли лишь самые обеспеченные жители Эшера.

– Кроули, – ответил служащий, молча выслушал говорившего, а потом оторвал трубку от уха, удивленно посмотрел на нее и аккуратно положил на рычаг.

– Простите, госпожа Дерт, но банк не может выделить вам необходимую сумму, – после небольшой паузы, произнес Кроули.

– Но почему?

– Видите ли, это новые правила банка. Клиент, не оправдавший нашего доверия, больше не способен быть заемщиком «Кейн-Империял».

– Я могу как-то убедить вас в своей кредитоспособности?

Я не собиралась уходить ни с чем.

– Что, простите? – перевел на меня рассеянный взгляд Кроули.

– Я говорю, что постараюсь выплатить ссуду без задержек.

– У вас есть залог?

– Нет, но...

– А поручители? Вы можете представить нам поручителей?

– Нет, но...

– Всего доброго, госпожа Дерт, – отрезал Кроули, возвращая папку с моим именем обратно в ящик.

– Думаю, я могла бы попробовать найти поручителей.

Я не хотела сдаваться так просто. Мне нужны были деньги, и я собиралась их получить.

– В таком случае, мы продолжим этот разговор после того, как вы приведете с собой двух уважаемых граждан, у которых есть вклады в нашем банке. Прощайте, госпожа Дерт.

Кроули дежурно улыбнулся и склонился над листом с длинными колонками цифр. Что ж, понятно. Этого сухаря ничем не проймешь.

Я взяла со стола свою сумочку, развернулась и пошла к выходу, раздумывая на ходу, кого взять в поручители. Может, поговорить с бакалейщиком Барнсом? Он всегда хорошо ко мне относился. Или зайти к господину Мунку? Старый букинист уверял, что с радостью готов мне помочь. Вот только рискнет ли он за меня поручиться?

На улице было по-прежнему сыро, но дождь уже закончился, и я решила сэкономить на ребе и пройти пешком.

– Госпожа Дерт! – послышался с противоположной стороны улицы высокий пронзительный голос. – Какая приятная встреча.

Я повернулась и беззвучно застонала. О нет! Долли Марчем, первая сплетница Уэстена. Только ее мне сегодня и не хватало!

– А что вы делаете так далеко от дома? – продолжала кричать Долли.

Она торопливо перешла через дорогу и загородила тротуар, не позволяя мне пройти.

– Да еще и в такую погоду, – маленькие черные глазки жадно обежали меня с ног до головы и замерли на лице. – Ах, дорогая, я слышала про доктора Стрейна, – с сочувствием произнесла Марчем.

Ее крупное, туго перетянутое корсетом тело колыхнулось мне навстречу. Могучая грудь быстро поднималась и опускалась, а из маленького рта с присвистом вылетало хриплое дыхание, но Долли, невзирая на астму, была полна решимости выяснить все подробности моей несостоявшейся помолвки.

Надо же, как быстро распространяются новости!

– Ох, я так и знала, милочка, – отдышавшись, сказала Долли и ухватила меня за руку. – Мне очень жаль, вы были такой красивой парой! Ума не приложу, что же между вами произошло?

Цепкий взгляд впился в мои глаза, выискивая там ответ на свой вопрос.

– Обычное несходство характеров, – я беспечно пожала плечами.

– Ну да, ну да, – закивала головой Долли, и перья на ее шляпе смешно задержались в такт. – Это очень важно, чтобы характеры подходили. Я всегда говорю, что это самое главное для счастливого брака.

М-да. Видно, поэтому сама Марчем так и осталась старой девой. Мало найдется мужчин, способных выдержать все грани ее характера.

– Бедняжка доктор Стрейн! – не отступала Долли. – Боюсь, его матушка очень расстроена, она так надеялась понынчить внуков.

Расстроена? Ха! Скорее наоборот. Старая гримза просто счастлива, что сумела избавить своего единственного отпрыска от «матерой хищницы и охотницы за деньгами». Это ее дословное выражение, переданное мне Розмари, моей подругой по пансиону. Родители Роз живут по соседству с госпожой Стрейн, и подруга лично слышала, как называла меня потенциальная свекровь. «Мой бедный неопытный мальчик угодил в руки этой беспринципной особы, – негодовала Амелия Стрейн. – Но ничего. Кэролайн Дерт плохо меня знает, если рассчитывает, что ее смазливая мордашка перевесит материнскую любовь. Я не допущу, чтобы какая-то нищая вдова заграбастала в свои ловкие ручки блестящее будущее моего сына». Вот так вот. Блестящее будущее... Что ж, Гордон действительно оказался хорошим сыном и не пошел против воли маменьки, не стал объявлять о нашей помолвке. А я... А мне теперь предстоит испытать на себе всю любовь уэстенского общества к сплетням. Боюсь, что если не случится чего-то более скандального, местные кумушки еще долго будут перемывать мне косточки при каждом удобном случае.

– Но вы не отчаивайтесь, моя дорогая, – продолжала захлебываться фальшивым сочувствием Долли. – Вы еще достаточно молоды, конечно, не так, чтобы первой свежести, но ведь в городе достаточно мужчин, пусть даже и почтенного возраста, которые не отказались бы назвать вас своей супругой. Вот хоть полковник Бакст или аптекарь Роунс.

Лицо Марчер приобрело хищное выражение, она решительно взяла меня под руку и, чуть понизив голос, сказала:

– Буквально на днях я слышала, как полковник сетовал на одиночество и говорил, что не прочь бы жениться. Если хотите, я могла бы...

Долли не договорила, многозначительно посмотрела на меня и жеманно улыбнулась, а я едва удержалась от крепкого словца. Полковник Бакст? Тот самый, который был на пять лет старше моего отца? Дряхлый и трясущийся, как свиной студень? Да ему впору не жениться, а завешание составлять!

– Благодарю, госпожа Марчем, но я не думаю, что это хорошая идея.

Я аккуратно высвободилась из цепкого захвата.

– Простите, мне нужно идти.

– Да-да, конечно, дорогая, – ответила Долли, улыбаясь той фальшивой улыбкой, за которой дамы Уэстена обычно скрывают обиду. – Не буду вас задерживать.

– Всего доброго.

Я обогнула похожую на флагманский корабль фигуру и заторопилась в сторону Малого театра. Слова Долли не шли у меня из головы. Не первой свежести? А то, что я не выгляжу на собственный возраст, ничего не значит? И рассчитывать на брак с молодым мужчиной мне не стоит? Да уж, печально – в двадцать восемь внезапно осознать, что тебя записывают едва ли не в старухи.

Мысли снова вернулись к Гордону Стрейну. Как же обидно, что у нас ничего не вышло. Если бы не старая госпожа Стрейн, я уже готовилась бы к свадьбе и не думала бы о деньгах, а теперь... До конца месяца у меня назначены пятнадцать уроков, но только за тринадцать из них я смогу получить плату. Родители двойняшек Бернс уже второй месяц просят об отсрочке, потому что все средства уходят на лечение младшего сына, а Бетси Рой платит продуктами со своего огорода, и у меня язык не повернется сказать ей, что этого недостаточно. Старушка так истово верит в талант своей внучки и так настойчиво умоляла меня не прерывать занятий с Аmandой... Разве могла я отказать?

«Найдите себе мужчину, госпожа Дерт», – неожиданно всплыли в голове слова домовладельца Вейса, и я задумалась. То, что Гордон соскользнул с крючка, еще ничего не значит. Да, я рассчитывала исключительно на его деньги, да, я не испытывала к нему большой и светлой любви, но кто сказал, что я была бы плохой женой? Нет, я была бы отличной женой, только вот Стрейн оказался глупцом и не оценил своего счастья. А ведь у нас все могло бы получиться. Как там советовала Марчем? Мужчины постарше?

Я вздохнула и подняла взгляд на небо. Тучи немного рассеялись, и кое-где уже проглядывали синие окошки, похожие на первые небрежные мазки ультрамарина на сером загрунтованном холсте. Ветер с залива уносил тяжелые дождевые облака в сторону Престона, небольшого городка, расположенного к северу от Уэстена, а может, и дальше, к самой столице графства. Скорее всего, жителей Сарджента сегодня тоже ждет ненастье.

«В городе достаточно мужчин почтенного возраста» – будто наяву услышала я голос Долли, и подумала – а что, если она права, и я просто не там ищу? Сердце тоскливо сжалось. Да нет, это уж слишком! Даже думать о таком не хочется...

Я так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла об окружающей действительности, но тут позади послышался шум мотора, и мимо меня на огромной скорости промчался мобиль, из-под колес которого во все стороны летели брызги. Я не успела отступить в сторону. Секунда – и мой отутюженный костюм оказался залит водой. Да чтоб тебя!

Я посмотрела вслед огромному черному монстру. Тот насмешливо рыкнул, выпустил из трубы темный клубящийся дым и исчез за поворотом. Так-так... Насколько я знала, в Уэстене был только один мобиль. Угадайте, кому он принадлежал? Правильно. Лорду Кейну. У остальных горожан просто не хватало денег на содержание столь дорогостоящих игрушек. Интересно, кто был за рулем – сам лорд или его шофер? Что ж, если судить по манере езды, ответ очевиден. Сомневаюсь, что степенный господин Доусон позволил бы себе так небрежно относиться к хозяйскому добру.

Я достала платок и попыталась отчистить испорченный костюм. Увы, мокрые пятна только сильнее размазывались по шерстяной ткани, и теперь ни о каких визитах к бакалейщику Барнсу или к господину Мунку не могло быть и речи.

Я беззвучно выругалась. Знаю, леди не пристало сквернословить, но как еще выразить переполняющие душу обиду и горечь? К тому же, я никогда не произношу ругательства вслух, а про себя не считается, так ведь?

Мобили давно уже и след простыл, а я все стояла и смотрела на дорогу, раздумывая над тем, какая нелегкая принесла лорда Кейна в банк. Вернее, какая сила заставила его оттуда уехать? Неужели встреча с бароном прошла так быстро?

Я сжала в руке мокрый платок. Все-таки правду говорят, что дела, начатые в понедельник, успеха не приносят. Похоже, сегодня мне денег не достать, разве что судьба сжалится и на меня свалится какое-нибудь неожиданное наследство! Но это вряд ли. Насколько мне известно, никаких родственников, способных оставить хотя бы сотню олдеров, у меня нет, а значит, и надеяться на это не стоит! «Не мечтай о несбыточном, Кэри. Тебе еще ни разу в жизни ничего не перепало просто так, и за любой, самый маленький подарок судьбы всегда приходилось расплачиваться».

Я усмехнулась. Да, так и было. Мне всего приходилось добиваться своим трудом и упорством. После гибели Роберта, когда стало известно, что от моего приданого почти ничего не осталось, мне пришлось узнать, каково это собственными руками зарабатывать на хлеб и рассчитывать только на себя.

До сих пор помню свои растерянность и страх, первые попытки найти нанимателей, унижение и стыд от того, что все узнали о бедственном положении, в котором оставил меня покойный супруг. И полученные за урок у госпожи Кролл полтора олдера.

Я смотрела тогда на них и понимала, что это первые заработанные мною деньги. Да, небольшие, но мои собственные. Потом была госпожа Позен, которая решила улучшить свои навыки игры на фортепиано, после появилась леди Касл, дочь которой была очень способной девочкой, а там и я привыкла к своему новому положению.

Что ж, не стоит ни о чем жалеть. Маменька учила меня, что все в жизни нужно принимать с улыбкой и никогда не унывать, даже в самых крайних случаях. И я так и делала. И знаете? Если веришь, что все получится, так обычно и происходит.

Из дневника Дж. Кейна

Занимательный сегодня выдался день. Впервые за последние двадцать лет наткнулся на заклинание внушения. Когда в зале сработала защита, я даже не сразу понял, что это значит. Большинство недобросовестных заемщиков обычно используют дешевенькие наведенные заклинания удачи, а тут вдруг – мерцающий красный огонек на магпанели, свидетельствующий о редкой, даже запрещенной магии алайетов. Очень интересный случай. А то, что этой магией воспользовалась ни кто иная, как малышка Кэролайн, наводит на еще более интересные размышления. Надо бы приглядеться к девочке повнимательнее. Не думаю, что она имеет отношение к Избранным, но осторожность не помешает.

Дома царила тишина. Не слышалось ни привычного шарканья Ильды, ни звона посуды, ни тихого бормотания, которым служанка обычно сопровождала любое свое действие. Похоже, Иль ушла за продуктами или решила навеститься к соседям. Что-то, а посплетничать моя служанка любила. Как и большинство уэстенских дам, она просто обожала перемывать косточки ближнему, а потому не пропускала ни одного собрания горничных, служащих в Среднем Уэстене.

Я стянула перчатки, положила на столик шляпку и прошла в гостиную. На душе было пасмурно. Как бы я ни пыталась храбриться, но призрак голодной нищеты становился все настойчивее. Бог знает, я не транжира, и стараюсь экономить на чем только возможно, но мои доходы слишком малы, чтобы поддерживать привычный уровень жизни. Когда был жив Роберт, мы ни в чем не нуждались. Муж был достаточно удачливым капером, и если бы не та ужасная буря, что разбила «Анабеллу» и послужила причиной смерти самого Бобби...

Я сжала кулаки. Нет, об этом лучше не вспоминать. Прошное должно оставаться в прошлом. Мысли снова вернулись к настоящему. В заветной шкатулке всего десять олдеров. Если прибавить к ним те тридцать шесть, что получу за уроки, и попытаться продать что-то из вещей, то можно будет расплатиться с Вейсом и госпожой Олдени. А может быть, даже и погасить часть дядюшкиного долга.

Перед глазами всплыли суммы на долговых расписках, выкупленных у кредиторов дядюшки господином Зайнисом. Все вместе составляло две тысячи семьдесят олдеров. Из них я оплатила чуть больше половины. А вот оставшуюся часть пытаюсь погасить уже который год, но дело идет туго. Еще и кредитор угрожать начинает. «Знаете, вдова Дерт, – вспомнились мне слова Зайниса. – Я ведь только из моего хорошего отношения к вашему дяде и вам назначил такой небольшой процент. Но если вы не собираетесь придерживаться нашей договоренности и будете и дальше задерживать выплаты, то я могу и повысить сумму». Проклятый делец!

Я закусила губу и обвела глазами комнату, в которой прошла вся моя замужняя жизнь. Когда-то здесь стояла мебель из ясеня, мягкие, обитые красивым зеленым бархатом диваны и кресла, окна закрывали дорогие, затканые цветами гардины, а на полу лежал большой ваэровский ковер. И повсюду были вазы с цветами – на столике, на подоконниках, на небольшом резном шкафчике у рояля. Роберт знал, что я люблю цветы, и первые годы просто задаривал меня ими.

И воздух всегда благоухал нежными ароматами роз и гиацинтов. А теперь... Теперь все изменилось. Большую часть мебели пришлось продать, да и оставшуюся ждет та же участь, цветов мне никто не дарит, так что с вазами я тоже рассталась. По-хорошему, так мне давно следовало бы уволить Ильд и переехать в Нижний Уэстен, но это значило бы полностью расписаться в собственном бессилии перед теми, кто еще помнит моих родителей, и стать парией. Отец бы мне этого не простил. «Запомни, Кэри, – любил повторять он. – Никогда не позволяй скинуть себя с седла. Того, кто упал, тут же затопчут». Что ж, отец был прав. Нельзя показывать слабость. Нельзя говорить о безденежье. Нельзя давать повод для жалости. Три правила, которые с самого детства вдалбливал в меня папенька, прочно отпечатались внутри и не позволяли сдать. И я не сдавалась: тщательно скрывала свое безденежье от знакомых, высоко держала голову и делала вид, что у меня все прекрасно.

Я подошла к роялю, открыла крышку и пробежалась пальцами по клавишам. По комнате поплыли мягкие печальные звуки. Когда-то этот инструмент стоял в гостиной нашего загородного дома рядом с большим окном, из которого долетал аромат цветущих яблонь и тонкий запах свежескошенной травы. Хорошие были времена.

Я села на потертую скамью и поставила на подставку ноты «Гаэрской рапсодии». Первые аккорды прозвучали тихо, я еще и сама не знала, точно ли буду играть, но потом музыка привычно захватила, увлекла за собой и заставила забыть о проблемах.

– Госпожа Кэролайн, вы достали деньги?

Голос Илды заставил меня вздрогнуть. Вот она, действительность, вернулась и настойчиво заявила о себе!

– Пока нет, – ответила служанке. – А ты где была?

– У Карпендеров. У них сегодня Молли именинница. Столько народу пришло! И старый господин Рой, и молодой господин Перси Дуаль, и госпожа Эрроу. Она, между прочим, про вас говорила.

– Да? И что же?

– Сказала, что госпожа Стрейн всем рассказывает, как ее сын вас бросил.

– Бросил? Вот как.

Я усмехнулась. Узнаю мужчин. Что ж, если Стрейну так легче, пусть считает, что это он меня бросил. Он, а не его матушка.

– Да. А старая госпожа Дуайн заявила, что Стрейн дурак, если отказался от такой милашки.

Ильда блеснула темными глазами и скрестила на груди тощие руки.

– И она права, между прочим, – решительно заявила служанка. – И все, кто был у Карпентеров, с ней согласились. А господин Рой даже заявил, что готов хоть сейчас на вас жениться, – нахмурилась Иль и неодобрительно добавила: – Ну да он известный старый греховодник.

Я слушала Ильду, но мыслями была далеко. Какая разница, что обо мне говорят? Деньги – вот что важно. И то, где их достать. Что, если заглянуть к оценщику и узнать, сколько он даст мне за часы? Думаю, папенька бы не обиделся, если бы узнал, ради чего я их продала.

В душе поднялась тоска. Неужели я на это пойду? Расстаться с последней оставшейся от отца вещью?

– А уже когда все собрались расходиться, пришел господин Олдени, – продолжала рассказывать служанка. – Ну, тот, что недавно овдовел. Так госпожа Карпентер от него ни на шаг не отходила, все свою Дженни нахваливала. Ее послушать, так та не девица, а чистое золото.

Ильда насмешливо хмыкнула и без перехода спросила:

– Так с мясником что делать? Он ведь в долг больше не даст.

– Я сама к нему зайду.

Неприятно, конечно, но куда деваться? Попробую договориться.

– Сами? – задумчиво посмотрела на меня Иль и кивнула. – Ну ладно, может, что и выйдет, Веллер на хорошеньких женщин падкий. Улыбнетесь ему пару раз, глядишь, и долги нам спишет.

– Ладно, Иль, мне идти нужно, – поднялась я со скамьи.

– Да куда же вы? – нахмурилась Иль. – Ведь только пришли! У меня уже и обед поспел, хоть и не из чего было готовить, но я извернулась, овощи у Марии-зеленщицы в долг взяла, а крупа у нас своя есть, так что знатная карита получилась, пусть и без мяса.

– Схожу к Реббу. Посмотрим, во сколько он часы оценит.

– Неужто решитесь их продать? – всплеснула руками Ильда.

– Это всего лишь вещь, Иль, – отмахнулась я и посмотрела на служанку. – Неси щетку, будем отчищать мою юбку.

– Ну, как знаете, – проворчала Ильда, но возражать не решила. – Снимайте свою одежду, я ее мигом в порядок приведу.

Я сняла костюм, и служанка, не переставая бурчать, понесла его на кухню, а через несколько минут вернула, но уже без пятен.

– Вот, – помогая мне одеваться, приговаривала она. – Совсем как новенький.

– Спасибо, Иль.

Не знаю, как служанка умудрялась придать моим вещам пристойный вид, не иначе, какой-то магией, потому что у меня так никогда не получалось.

– Идите и выжмите из этого старого скряги побольше, – напутствовала она меня.

– Не бойся, задешево я их не отдам, – укладывая в ридикюль старинные часы, пообещала я.

Снаружи по-прежнему было прохладно и сыро. Я окинула взглядом пустынную Карстон-сел и пошла по направлению к Истонскому каналу.

Конторы оценщиков и ростовщиков располагались на Веллер-сел, улице, идущей вдоль закопанной в гранит водной артерии города. По обеим сторонам канала стояли невысокие узкие домишки, прижавшиеся друг к другу, словно худые заморыши в поисках тепла. Выглядели они уныло и безнадежно. Впрочем, как и люди, приходящие на Веллер-сел, чтобы отдать частичку собственной жизни. Или даже души.

Я прошла до перекрестка, свернула в узкий проулок и вышла на Ирбрук-роу. В воздухе ощутимо запахло тиной, рыбой и старыми прогнившими сваями, а в просвете между домами показались каменные столбы с тяжелыми чугунными цепями, преграждающими подходы к каналу. Дорога нырнула под горку и вывела меня прямо на Веллер-сел.

Я огляделась в поисках нужного дома. Ага, а вот и он, на противоположной стороне, прямо напротив. Осталось только по мосту перейти.

Сжав в руках ридикюль, решительно направилась к потемневшей от времени и от людских страданий двери. Контора оценщика Ребба выглядела мрачной и запущенной. Мутные, давно не мытые стекла окон смотрели на мир неприветливо, как подозрительный старик, разглядывающий посетителей сквозь старые треснутые очки. Кованый навес над входом зарос паутиной, а бронзовая ручка позеленела от времени.

Похоже, хозяин не слишком-то заботится о доме. Я вошла внутрь и вздрогнула от резкого звона магического колокольчика, возвестившего о моем приходе.

– Кого там нечистый принес? – тут же послышался скрипучий голос.

– Добрый день, господин Ребб, – с трудом разглядев в полутьме низкого, заставленного разнокалиберной мебелью помещения худого жилистого оценщика, поздоровалась я.

Ребб был одет в потертый, засаленный на рукавах сюртук и грязные, побитые молью штаны.

– А, вдова Дерт, – узнал он меня. – Давненько вы не заглядывали. С чем на этот раз пожаловали?

Острые маленькие глазки впились в мое лицо, ощупывая, разглядывая, оценивая, и я почувствовала острое желание смахнуть этот взгляд, как назойливое насекомое.

– Хочу показать вам одну семейную реликвию и узнать ваше мнение, – преодолев неприязнь, улыбнулась старику.

Весь мой прошлый опыт подсказывал, что Ребб снова попытается меня обмануть, но кто сказал, что ему это удастся? Сейчас я уже не та растерянная после смерти мужа девчонка, и так легко не сдамся.

Я открыла ридикюль, достала карманные часы и положила их на темный, отполированный сотнями рук прилавок.

– Что скажете? – небрежно спросила оценщика.

Ребб осторожно коснулся золотого корпуса своими скрюченными, похожими на птичьи когти пальцами и погладил выгравированные на крышке круги. Они образовывали затейливый узор, запомнить который было невозможно – круги постоянно двигались, перетекая один в другой, становясь то шире, то уже, и меняя свое положение каждую минуту. Папа говорил, что часы создал мастер, владеющий магией.

– Обычная безделица, – с деланным равнодушием посмотрел на меня оценщик, но я увидела, как алчно загорелись его жесткие глаза. – Не стоит и десяти олдеров.

– Вы шутите, господин Ребб? В столице их оценивали в сто пятьдесят олдеров, и это была начальная цена.

– Ах, дорогая вдова Дерт, – притворно вздохнул старик. – Боюсь, мои столичные коллеги попросту ошиблись. Взгляните, это ведь даже не золото, – он поднес к блестящему корпусу лупу и внимательно посмотрел на гравировку. – Подделка. Искусная подделка под мастера Гунара. Но я хорошо знаком с его работами и клеймом, которое он ставил. Видите этот хвостик на именной подписи? В настоящих «Клерво» он должен быть изогнут вниз и в сторону, а здесь – просто непонятная закорючка.

Я слушала оценщика и не верила ни единому слову. Что бы ни говорил старик, его взгляд сказал мне больше, чем язык. Ребб страстно жаждал заполучить часы. А я смотрела на движущиеся круги и понимала, что не могу отдать любимую отцовскую вещь. Не могу и все. Перед глазами, как живое, возникло строгое мужественное лицо, серьезный взгляд серых глаз, скупая улыбка... Нет. У меня не хватит решимости расстаться с единственной памятью о папе. Лучше переборю гордость и попрошу у полковника Рента прибавку, он как-то обмолвился, что в будущем готов повысить плату за уроки с Бертиль.

– Я, конечно, могу накинуть пару монет и дать вам за них... Ну, скажем, двенадцать олдеров, – Ребб прищурился. – Но это исключительно из моего доброго расположения к вам, госпожа Дерт.

– Вы необычайно щедры, господин Ребб, – решила я, – но я не собиралась продавать часы. Просто хотела узнать их цену.

Я протянула руку, собираясь забрать «Клерво». Старик сжал цепочку и потянул ее на себя.

– Если вы полагаете, что кто-то даст за них больше...

В маленьких глазках сверкнуло беспокойство.

– Хорошо, я накинута еще пару олдеров! Но знайте, это окончательная цена.

– Мне нужно подумать, господин Ребб. Я вовсе не уверена, что готова расстаться с семейной реликвией, – забрав часы, заявила старику.

– Пятнадцать! – выкрикнул тот. – Мое последнее слово!

– Всего хорошего, господин Ребб, – улыбнулась в ответ и захлопнула за собой дверь.

Проклятый крохобор... За полкера удавится.

«А ты что хотела, Кэри? Думала, старый скряга сразу предложит тебе двести олдеров? Размечталась!»

Я вздохнула и раскрыла ридикюль, чтобы вернуть туда семейную реликвию, но в этот момент меня кто-то толкнул, да так сильно, что я едва удержалась на ногах. Часы выскользнули из рук и упали на звонкий камень мостовой.

– О Боже! – сорвалось с моих губ.

– Забавно, – тут же услышала я низкий мужской голос. – Господом меня еще не называли. Простите, вдова Дерт, я вас не заметил. Вот, держите, – мне в ладонь лег блестящий золотой корпус. – С ними все в порядке. Такие часы невозможно разбить.

Мужчина погладил узорную крышку и провел пальцем по кругу бесконечности, а я подняла глаза и встретила задумчивым взглядом темно-серых, почти черных глаз. Ну надо же! Снова он. Кейн. Интересно, что банкир забыл на улице мелких ростовщиков и оценщиков?

– Мне нужно идти, – не двигаясь с места, сказала я.

Голос прозвучал хрипло. Наверное, мой лимит прогулок по сырому городу оказался исчерпан, и я заполучила простуду. Точно. Вот и щеки горят, а это всегда верный признак инфлюэнции.

– Темного вечера, – небрежно попрощался Кейн, продолжая смотреть на меня пристально, почти не мигая.

– Темного, – отозвалась я и, стараясь не обращать внимания на жар, высоко вскинула голову и пошла в сторону Ирбрук-роу.

«Поразительно, – размышляла, прислушиваясь к стуку собственных каблучков. – Вторая встреча за день. Интересно, что Кейн делал в Среднем Уэстене? Точнее даже, в Нижнем Уэстене, почти на границе с бедными кварталами? Что привело его на Веллер-сел?»

Я не видела, откуда он взялся, но если судить по тому, что мы не заметили друг друга, скорее всего Кейн вышел из соседней конторы. А что у нас там? Правильно. Антикварная лавка господина Винса. Получается, Кейну нравятся старинные вещи? Скорее всего. Тем более что, когда мы столкнулись, он держал в руках какую-то ветхую книгу.

«Не забивай голову ерундой, Кэри, – осадила собственное любопытство. – Думай лучше о том, что делать. Не нужно было выплачивать кредитору Зайнису сразу двадцать олдеров. Но кто ж знал, что Бернсы не заплатят и за этот месяц, а леди Винс откажется от занятий?»

Когда я дошла до Карстон-сел жалкие лучи заката почти совсем растворились в свинцовой темноте неба.

– Слава Богу, вернулись! – встретила меня Ильда. – Я уж собиралась за вами идти. Знаемое ли дело, по темноте одной шастать?

– Успокойся, Иль. Ничего со мной не случится, – усмехнулась в ответ.

– Как же, не случится! Госпожа Фишер тоже так думала, а теперь вон пузо на лоб лезет.

– Не мели ерунду. У госпожи Фишер законный супруг имеется, так что ничего удивительного в ее положении нет.

– Может, оно и так, да только люди говорят, что...

– Иль, уймись, – оборвала я служанку. – Не хватало еще сплетням верить.

Ильда недовольно поджала губы, но надолго ее обиды не хватило.

– Я тут слышала, Болтоны в следующую среду прием устраивают, вы пойдете? – идя за мной по коридору, вкрадчиво спросила Иль. – Приглашение вам прислали?

Вот же любопытная! Все ей доложи.

Я вошла в гостиную и внимательно осмотрелась. Сейчас, в теплом свете свечей, комната казалась уютной и даже нарядной. И расшитая шелком скатерть блестела совсем как новая. И чехлы на креслах уже не казались ветхими, а ажурные салфетки на их подголовниках выглядели почти празднично.

– Так что, прислали? – не отступала Ильда, глядя на меня сверкающими глазами.

Я тихонько хмыкнула. Прислать-то прислали, только какой с того прок? Для приема нужно новое платье, а где его взять? Да и что мне там делать? Дать уэстенцам новую пищу для сплетен? Встретиться с кучей прежних знакомых, помнящих меня беззаботной Кэролайн Уэтерби?

Я провела ладонью по крышке рояля. А что, если посмотреть на все под другим углом? Может, приглашение на бал – это перст судьбы? Подсказка небес? Мелькнувшая мысль была не особенно приятной, но что еще мне оставалось?

– Пойду, – кивнула я и уже решительнее добавила: – Обязательно пойду!

Вот только с платьем нужно что-то придумать. Может быть, перешить шелковое синее? Или попробовать обновить лиловое? Хотя строгий траур и закончился, но лучше не рисковать и не использовать слишком светлые наряды. Эх, сейчас бы надеть одно из тех бальных платьев, что я носила в юности! Нежно-розовое, или цвета топленого молока, или светло-сиреневое...

– Ну и правильно, – вклинился в мои размышления голос Ильды. – Нечего этим курицам потакать, пусть знают, что вас не сломать!

Я усмехнулась, глядя на воинственно подбоченившуюся служанку.

– Ты права, Иль. Нужно заткнуть старым сплетницам рты. И я даже знаю, что надену. Неси выкройки и рулон бордового шелка, что на верхней полке шкафа лежит.

– Того, что госпожа Дантер вам на двадцатилетие подарила?

– Точно. Хватит ему пылиться. Пора пустить его в дело.

Я повернулась и посмотрела на Ильду, но та не собиралась уходить. Она застыла на месте и сверлила меня недоверчивым взглядом.

– Чего ты ждешь? – поторопила я ее. – Иди.

– Это что же вы такое задумали? – подозрительно прищурилась Иль.

– Ильда!

Я строго взглянула на служанку, досадуя на ее проницательность.

– Что Ильда? – с вызовом ответила та. – Я, считай, сколько лет уже вас знаю. Меня не проведете. Неужто соблазнить кого надумали?

Она насупилась и сложила на впалом животе натруженные руки.

– Не твое дело, – твердо ответила служанке.

Не хватало еще, чтобы она мне мораль читала!

– Еще как мое! – не отступала Ильда. – Как я людям в глаза посмотрю, если ваше имя склонять начнут? А матушка ваша? Она ведь когда умирала, слово с меня взяла, что я за вами присмотрю. Как же я обещание могу нарушить?

– Да уймись ты, – вздохнула я. – Никого я соблазнять не собираюсь.

– Да? А шелковое платье вам зачем? Да еще и бордовое.

– Мой траур давно закончился, так что вполне могу себе позволить. А новое платье...

Как думаешь, есть у меня шанс найти мужа в старом перелицованном наряде?

– Так вы мужа искать собрались? – взгляд служанки оттаял. – А чего сразу не сказали?

Я-то подумала...

Она не договорила и покачала головой.

– Знаю я, что ты подумала. Неси ткань и выкройки. На этом приеме я должна блистать.

– Слушаюсь, госпожа, – почтительно отозвалась Ильда, как всегда нюхом чуя, когда следует отступить. – Уже бегу! Да ради такого дела мы с вами самое лучшее платье сошьем! И пусть эти старые гримзы от зависти лопнут!

Я только усмехнулась на заявление служанки, прошла в столовую и принялась снимать со стола скатерть.

А спустя несколько минут вернулась Иль, мы разложили на столешнице тонкий переливающийся шелк и картонные лекала, и принялись за снятие мерок и шитье.

ГЛАВА 2

Особняк Болтонов сиял огнями.

Ребс остановился неподалеку от парадного крыльца, я осторожно ступила на мокрую после дождя мостовую и огляделась. Улица перед домом была запружена каретами и наемными экипажами. Они высаживали своих пассажиров и отъезжали, чтобы уступить место вновь прибывшим, по высокой белокаменной лестнице поднимались нарядно одетые гости, в лужах отражались блики от сверкающих теплым желтым светом окон и уличных фонарей.

Похоже, на этот вечер съехалась добрая половина Уэстена, что и неудивительно – Болтоны славились своим гостеприимством.

Влажный ветер прошелся по лицу, попытался растрепать прическу, но ему это не удалось, и тогда проказник оставил на моей щеке поцелуй и сбежал, как и всякий неверный любовник.

Я разгладила складки платья, поправила легкую накидку и пошла по дорожке к ярко освещенному особняку. Впереди медленно семенили пожилые супруги Гамильтон, позади слышался густой бас начальника станции, ему отвечал жидкий тенорок господина Ферраса, столичного инженера, заведующего перестройкой железнодорожного вокзала. Городок у нас небольшой, все друг друга знают, и даже те, кто приехал недавно, легко вписываются в местное общество, вот как Тобиас Феррас.

– Господин и госпожа Гамильтон! Очень рады, – долетел до меня возглас хозяина вечера. – Очень рады, – повторил господин Болтон и, не дожидаясь от Гамильтонов ответа, быстренько перепоручил их своему дворецкому и повернулся ко мне.

– Вдова Дерт, – радушно улыбнулся Болтон, облизывая меня масляным взглядом. – Как замечательно, что вы пришли!

Владелец галантерейного магазина и держатель контрольного пакета акций «Транс-авери» стоял на верхних ступенях лестницы – тучный, беспрестанно утирающий большим платком потный лоб и поправляющий тугой ворот сорочки. Его высокая худощавая супруга застыла рядом с мужем, вцепившись в него, словно клещ. Она жеманно улыбалась и оглядывала окружающих с видом королевы, принимающей приветствия от подданных. Обратив свой взор на меня, госпожа Болтон прошептала тонким, совсем не подходящим к ее внешности голосом, как она счастлива, что я почтила своим присутствием их прием.

– Ваша кухня с супругом уже здесь, – радостно сообщила Эмили Болтон, и я поняла, почему ко мне отнеслись с таким вниманием.

Моя двоюродная сестра была замужем за местным судьей, Бенджамином Кроу, и по уэстенским меркам считалась весьма влиятельной особой. Что ж, так и было. Особняк на Арверроу, собственный выезд, солидный счет в банке, – Бетси, в отличие от меня, не бедствовала.

О, а вот и она!

Я успела миновать холл, вошла в зал и увидела в толпе гостей знакомую точеную фигурку. Элизабет, как и всегда, привлекала внимание ярким нарядом и обилием драгоценностей: модное платье, сшитое из переливающейся малиновой тафты, выглядело немного вульгарным, а на бриллиантовое кольцо было больно смотреть, так ярко оно сверкало. Мне вспомнилось, как дядюшка Джобс однажды сравнил милашку Бетси с разноцветным какаду, и улыбнулась. Хоть дядя и слыл старым чудаком, но в людях разбирался отменно.

Я опустила взгляд на подол своего платья. Думаю, дядюшке оно бы понравилось – строгое, подчеркивающее фигуру, с умеренно пышной юбкой и глубоким декольте, открывающим плечи и грудь, правда, ровно настолько, чтобы оставаться в рамках приличий. Ильда хоть и ворчала, что негоже так выставаться, но возражать не решилась, буркнув, что «господа дураками будут, ежели такую красоту без внимания оставят».

Я отдала накидку и ридикюль слуге и двинулась вперед, пробираясь к окруженной подругами родственнице.

– Кэролайн! – увидев меня, воскликнула кузина. – Неужели это ты? Удивительно. И какое шикарное платье! Такое... яркое, – в голосе Бет прозвучало неодобрение.

– Кузина Элизабет, дамы, – поздоровалась я, не обращая внимания на шпильку сестры.

– Госпожа Дерт, очень рады вас видеть, – раздался в ответ нестройный хор голосов.

– Ох, Кэри, ты все-таки пришла, – прошептала Бетси. – Все были уверены, что после того, что произошло...

Кузина не договорила, многозначительно сверкнув глазами.

Дамы вокруг зашушукались.

– А что произошло? – уточнила я, делая вид, что не понимаю намека.

– Ну как же? А ваш разрыв со Стрейном? – переглянувшись с подругами, спросила Бет.

На ее живом миловидном лице читалось жадное любопытство. Бетси впилась в меня взглядом и подалась вперед, крепко сжав мою руку. Казалось, она даже дыхание затаила, в ожидании ответа.

– Бет, о чем ты? Мы с господином Стрейном были едва знакомы.

– Да? – не отпуская моей ладони, протянула кузина.

– Да, – беспечно улыбнулась я, стараясь не показывать своих чувств.

В больших, похожих на детские, голубых глазах Бет мелькнуло недоверие. По толпе ее подруг пробежал тихий шепоток.

– А как же ваша помолвка?

– Не было никакой помолвки.

– А все говорят, что... О, Боже! – отвлеклась Бетси, уставившись мне за спину. – Смотрите, лорд Кейн пришел! Какой же он невероятный! – воскликнула кузина и тут же опасливо покосилась на стоящего неподалеку супруга. Тот о чем-то спорил со стряпчим Стивенсом, резко вскидывая голову, отчего его редкие пегие волосы, прилизанные так, чтобы закрыть солидную плешь, смешно сползали набок. – Интересно, как он здесь оказался? – уже тише спросила кузина.

Я повернулась и замерла, разглядывая высокую, облаченную в темное фигуру. Кейн. Надменное красивое лицо, ровные брови, чуть впалые щеки. И взгляд... Опасный взгляд флибустьера. Самый богатый человек Уэстена высокомерно оглядывал окружающих, а на его чувственных губах играла презрительная усмешка.

– Какой же он... невероятный, – снова повторила Бет, как и большинство присутствующих дам буквально пожирая Кейна глазами. – Как думаете, почему он пришел?

Вопрос не был праздным. Кейны редко посещали городские приемы, видимо, не считая жителей Уэстена достойными своего общества. Еще бы! Кейны принадлежали к высшей аристократии Эшера и раньше проживали в Лариделле, лишь пятнадцать лет назад переехав в наш городок. Уж и не знаю, по какой причине он их заинтересовал. Кейнов принимали при дворе и в лучших домах столицы, отец нынешнего лорда был на короткой ноге с императором, а его мать дружила с императрицей. Что им обычные уэстенцы?

– Потрясающий мужчина, – выдохнула стоящая рядом со мной Мелинда Коуэнн, супруга полицейского. – А вы слышали о его последней эскападе? – наклонившись к Бет, громко прошептала Мелинда. – Говорят, на днях он был в номере отеля с Сарой Хандбрук больше двух часов. Наедине, – многозначительно скривилась она.

– И что они там делали? – простодушно поинтересовалась юная Триш Латимер, двоюродная сестра Мелинды, приехавшая в Уэстен из Эринойса погостить. Точнее, «поймать» жениха.

– Боюсь, моя дорогая, вы еще слишком молоды, чтобы слушать о подобном, – вмешалась в разговор Эмилия Шендон, владелица конного завода.

– Боюсь, для того, что делает со своими пассиями лорд Кейн, мы все слишком молоды и неопытны, – усмехнулась Оливия Керн, вдова покойного судьи Керна.

Мне нравилась эта женщина. Она была не особенно красива, но довольно умна и образованна, и умудрялась уверенно управлять не только собственной жизнью, но и тремя сыновьями-подростками, а также немалыми средствами, доставшимися от мужа.

– Говорят, он совершенно безнравственный, – в глазах Мелинды Коуэнн появилась мечтательная поволока.

– А какой у него взгляд! – в тон подруге протянула Бетси. – Не будь я замужем...

Кузина не договорила, но так вздохнула, что все и без слов поняли, о чем идет речь. А я почувствовала, как щеки обдало жаром. И платье вдруг стало тесным, мешая вздохнуть.

– Мне кажется, он смотрит в нашу сторону, – пискнула Триш и покраснела.

– Точно, – с придыханием подтвердила Мелинда. – О, Боже! Он идет к нам. Патрисия, перестань на него так глядеть! И не вздумай принимать приглашение на танец, – грозным шепотом предупредила она кузину.

– Но почему?

– Потому что незамужней девушке нельзя танцевать с лордом Кейном, если она не хочет попрощаться со своей репутацией.

– Так и есть, – серьезно сказала Оливия Керн. – Лорд Кейн – известный повеса, одиноким леди лучше держаться от него подальше.

– А замужним? – наивно спросила Триш.

– А замужних общество не осудит, – в голосе женщины прозвучала едва заметная ирония. – Если только не произойдет ничего предосудительного.

Я грустно усмехнулась. Оливия очень точно отобразила мораль уэстенских дам. Если ты одинока и за тебя некому заступиться, ты легко можешь стать предметом пересудов. Тебе не простят ни чуть более теплую улыбку, ни оживленный разговор с мужчиной, ни, уж тем более, отданный признанному сердцееду первый танец.

Взгляд невольно обратился к пирату. Кейн шел прямо на нас, и люди расступались перед ним, словно море во время отлива. Он ничего для этого не делал, казалось, даже не замечал окружающих, просто двигался вперед – уверенно и неторопливо, но все тут же освобождали ему дорогу. Будто по неслышному сигналу.

Я смотрела на породистое лицо, на усмехающиеся губы, на красиво падающие на ворот фрака темные волосы и чувствовала, как быстро бьется сердце. Проклятье! Незачем ему так биться. И не отчего. Особенно в свете того, на что я решилась.

– Дамы, – остановившись рядом с Бетси, коротко поклонился Кейн.

Взгляд его пробежал по восторженным лицам, дольше положенного задержался на Бет и замер на мне.

Как и все подруги кузины, я присела в реверансе и поднялась, стараясь не засматриваться на лорда. В последние годы я положила за правило держаться подальше от таких вот самолюбленных красавцев. Мне хватило и мужа, который был невероятно красив и так же невероятно любвеобилен. Причем, его любовь, как выяснилось однажды, доставалась не только мне, но и еще нескольким уэстенским дамам. Ах, как же искренне Бобби каялся, когда я узнавала о его изменах, с каким пылом уверял меня, что больше никогда... А потом мне становилось известно об очередной интрижке, и все повторялось сначала: покаяние, заверения, вымаливание прощения... Правильно говорят: красивый мужчина – чужой мужчина. Нет, увольте. Больше я ошибок прошлого не повторю, и пусть лорд Кейн хоть трижды красавец, меня это никаким образом не касается.

– Госпожа Дерт, – Кейн сделал шаг и оказался непозволительно близко. Так близко, что я ощутила тонкий, едва уловимый аромат его туалетной воды. – Оставьте за мной первый танец, – слегка склонившись ко мне, негромко сказал он.

Это не было просьбой. Это не было вопросом. Это не было общепринятым приглашением. Кейн просто ставил меня в известность о своем намерении потанцевать. Пришел, увидел, захотел и присвоил. Настоящий флибустьер... Только я не собиралась превращаться в судно, которое он с легкостью возьмет на абордаж. Первый танец, еще чего! Да это же все равно, что объявить перед всеми, что мы с Кейном едва ли не любовники!

– Простите, лорд Кейн, но я уже отдала первый танец другому, – посмотрела в холодные серые глаза.

Вот так. Не хватало еще попасть в сети очередного отъявленного бабника. Нет уж. Хватит с меня Бобби.

– Да что вы говорите? Другому? – в голосе лорда прозвучала такая явная насмешка, что я невольно выше вскинула голову. – Тогда – второй.

– К сожалению, второй тоже занят. И третий. Если вас устроит четвертый или пятый... Договорить я не успела.

– Не утруждайтесь перечислением танцевальных позиций, госпожа Дерт, – уголки чувственных губ чуть приподнялись, что должно было означать улыбку, но мне почему-то показалось, что Кейн не улыбается. Глаза, в отличие от губ, не лгали. Они были ледяными и смертельно-опасными, как дуло пистолета. – Дамы, кто из вас желает оставить за мной полонез? – повернулся он к затаившим дыхание «кумушкам».

И сказал это так, будто предлагал не танец, а нечто большее. Мне тотчас же представилась темнота роскошной спальни, отблеск свечей на обнаженных телах, смятые шелковые простыни...

В груди стало тесно, дыхание сбилось, щеки опалило жаром. Боже! Как ему это удастся? Кажется, ничего предосудительного не сделал, а в голову лезут всякие непристойности! Или это все потому, что я слишком давно одна? Или из-за проклятого прошлого, в котором я уже имела глупость подпасть под обаяние пирата?

– Моя бальная книжка еще не заполнена, – пролепетала Мелинда, с надеждой глядя на Кейна.

Ее полные щеки пошли некрасивыми пятнами, а на лбу выступили мелкие бисеринки пота.

– Ах, я, конечно, не испытываю недостатка в кавалерах, но первый танец пока никому не отдала, – легко коснувшись веером правой щеки, улыбнулась Бетси.

То, что она сделала это левой рукой, означало согласие. И мне почему-то показалось, что это согласие касалось не только танца.

– Вы мне подходите, – небрежно бросил Кейн. – Впишите меня в свою книжицу.

Он окинул Бет медленным, почти раздевающим взглядом и, коротко поклонившись, пошел прочь. Кто-то кланялся ему, кто-то пытался заговорить, но Кейн не останавливался. Он неторопливо пересекал пространство переполненной гостями залы, и я снова видела тот же эффект морского отлива. Кейн был похож на скалу, о которую разбивалось и людское любопытство, и попытка привлечь внимание, и досужие разговоры.

Я проследила, как он остановился рядом с леди Четем, и отвернулась, раздумывая над тем, где найти кавалера на первый танец. Да и на все последующие тоже. Угораздило же солгать этому несносному Кейну!

«Успокойся, Кэри! – внушала я себе. – Помни о том, зачем пришла на бал. Тебе нужно найти подходящего мужчину, и это – вовсе не Кейн, который если однажды и женится, то непременно на деньгах».

Я сжала веер и обвела глазами зал. Как назло, взгляд зацепился за широкую спину «флибустьера». Удивительно, как идет ему фрак. Одежда, в которой большинство мужчин, в зависимости от комплекции, выглядят похожими либо на пингвинов, либо на лакеев, на Кейне сидела идеально. Хотя, мне кажется, на нем все, что угодно, сидело бы идеально.

Крепкое тренированное тело, длинные ноги, гордая посадка головы... Что ж, его не зря называют главным сердцеедом Уэстена. Ни одна дама не способна равнодушно смотреть на самоуверенного красавчика и не испытывать желания узнать, каково это, когда тебя целуют его твердые губы, или обнимают крупные и сильные руки...

Я так задумалась, что не заметила, как поблизости появился какой-то господин.

– Госпожа Дерт, вы окажете мне честь станцевать с вами полонез? – послышался смутно знакомый голос.

Я посмотрела на стоящего передо мной мужчину и попыталась понять, где могла его видеть. Черные волосы, бледная кожа, слегка раскосые карие глаза...

– Я Найджел Броун, нас познакомил полковник Рент, – пояснил тот, догадавшись, по моему лицу, что я затрудняюсь его вспомнить.

– Ах да, конечно, полковник Рент.

В памяти возникла размытая картинка: большая темная гостиная в старинном особняке полковника, Бертиль, играющая гаммы, и двое мужчин, вошедших в комнату. Точно. Найджел Броун, стряпчий из Лариделла, как представил его мой наниматель.

– Вы снова в Уэстене по делам? – улыбнулась я, благодаря небеса за быстрый ответ на мою мольбу.

– Да, – кивнул Броун. – У нашей фирмы появился еще один клиент, и я приехал, чтобы заключить с ним договор. Господин Уэллс собирается застраховать свою жизнь на весьма неплохую сумму, а еще я уговорил его вписать в страховку жену и детей, так что... – Броун не договорил. – Простите, вам, наверное, это совсем не интересно, – немного смущенно заметил он.

– Вы что-то говорили о полонезе?

Я не стала отвечать на последнее замечание Броуна и перевела разговор на танцы. Сейчас это было для меня гораздо важнее, чем договора и прочая «юриспруденция». К тому же, мне не хотелось смущать Найджела еще больше.

– Да, если позволите, я был бы счастлив вас пригласить.

В темных глазах появилась надежда.

– Я польщена, господин Броун, – ответила я. – И...

Договорить я не успела.

– Ну конечно! Простите, видимо, я был слишком самонадеян, – сокрушенно сказал Броун. Он сложил руки за спиной и слегка склонил голову, словно признавая вину. – О чем я только думал? Разве у такой красивой леди может остаться незанятым первый танец?

– Вы удивитесь, но я еще никого не успела вписать в свою бальную книжку, так что полонез – ваш, – успокоила собеседника.

– Поразительная удача! – тут же просиял Найджел.

Он широко улыбнулся, отчего стал похож на большого доброго пса, и заглянул мне в глаза с почти собачьей преданностью.

Мне даже не по себе стало. Я давно уже отвыкла от такого искреннего проявления чувств. Уэстен был основан на месте одного из первых поселений варийских колонистов, перебравшихся на материк из Эрдерона, и современные жители мало чем отличались от своих предков. Здесь не признавали слабости и не одобряли тех, кто не умел «держаться». Может, это и неплохо, но как же иногда хотелось простого человеческого участия и честности вместо привычной игры под названием «благодарю, у меня все прекрасно!»

Я покосилась на Броуна из-под ресниц.

Найджел смотрел на меня, и в его взгляде я видела тот самый блеск, который появляется в глазах мужчин, когда они общаются с понравившейся женщиной.

И что мне это дает? Стоит ли считать появление Броуна милостью небес? И кто может сказать, есть ли у него личные средства? И даже если есть, высока ли вероятность того, что

он захочет сделать мне предложение? Или что у него нет честолюбивой матушки, которая уж точно не пожелает видеть в невестках нищую вдову?

К сожалению, то, что ты красива и привлекательна, ни на что не влияет. Мужчины восхищаются, говорят комплименты, даже влюбляются, но вот женятся все равно на «хорошем приданом». А меня удостаивают лишь сомнительными предложениями «небольшой помощи» или, попросту, содержания, и заверениями в вечной преданности. Можно подумать, она мне нужна...

Я сжала кулаки, но потом заставила себя успокоиться. От нервов нет никакой пользы, только веер сломаю, а он у меня один и уже пережил две починки.

В эту минуту по залу поплыли первые звуки ритурнели, и Броун поклонился, подавая мне руку.

Не знаю почему, но прежде чем принять ее, я взглянула на Бетси и увидела знакомую широкую спину. Кейн. Он слегка склонил голову, приглашая мою кузину на полонез, и повел ту в центр залы, где уже выстраивались остальные пары.

Я видела хозяина дома, господина Болтона, раскланивающегося перед баронессой Ярд, госпожу Болтон, улыбающуюся лорду Гришему, вставших вслед за ними лорда Коллинза и леди Феймор. Сразу после них в полонез вступили Кейн с Элизабет и лорд Грин с госпожой Редли, и танец начался.

– Госпожа Дерт, – поторопил меня Броун.

Я только улыбнулась в ответ и оперлась на предложенную руку. Глупо обращать внимание на Кейна. А еще глупее ломать голову над тем, почему он «удостоил» меня приглашением на танец.

Мы с Кейном не могли считаться близкими знакомыми. Нет, когда-то давно, в те времена, когда были живы мои родители, и я еще не вышла замуж за Роберта, лорд бывал в нашем доме, и довольно часто – они с отцом вели какие-то общие дела. Я тогда даже успела в него влюбиться. Глупо, конечно. А потом Кейн неожиданно уехал в столицу и вернулся только полтора года назад, после смерти старого лорда Кейна, чтобы заняться семейным делом. И мы практически не виделись. Поговаривали, что молодой лорд надолго здесь не задержится, но Кейн не оправдал ожиданий уэстенцев. Он перестроил «Кейн-Империал», сделал грандиозный ремонт в родительском особняке и зажил на широкую ногу, регулярно разбивая сердца женщин и физиономии их разгневанных мужей.

– Как здесь многолюдно, – робко заметил Броун, отвлекая меня от задумчивости.

– Да, Болтоны славятся своим гостеприимством, – ответила я.

И это было правдой. Болтоны давали минимум три бала в год, приглашая на них почти все благородные фамилии Уэстена.

– Я так признателен полковнику Ренту, составившему мне протекцию. Не далее, как вчера, он представил меня господину Болтону, и вот я здесь.

Броун обвел глазами зал и восторженно вздохнул, а я, напротив, постаралась скрыть вздох разочарования.

Мы с Найджелом дошли до главного прохода и заняли свои места. Поклон, шаг, коснуться кончиками пальцев руки партнера и... Полонез начался, унося нас по анфиладе залов, мимо роскошно обставленных комнат, позолоченных картин и дорогих старинных гобеленов.

Когда торжественное «шествие» закончилось, Найджел проводил меня к той самой колонне, возле которой уже шушукались Бетси с подругами, и, поклонившись, заглянул в глаза.

– Это будет слишком самонадеянно с моей стороны, если я попрошу вас подарить мне еще один танец? – голос его звучал так просительно, а взгляд был таким жалким, что на какой-то миг я почувствовала раздражение.

Боже, ну разве таким должен быть мужчина?

«Уймись, Кэри! – тут же оборвала себя. – Хватит амбиций и глупостей. Один раз ты уже нашла «настоящего мужчину», и что из этого вышло?»

– Оставлю для вас мазурку, – благосклонно улыбнулась Найджелу, скрывая за этой улыбкой боль от не вовремя всплывших воспоминаний.

– Благодарю, госпожа Дерт! – с воодушевлением сказал Броун.

Он снова поклонился, попятился назад и наткнулся на мужа Бет.

– Простите, – покраснев, пролепетал Найджел.

– Нужно быть внимательнее, молодой человек, – наставительно процедил судья Кроу, разглядывая Бруна сквозь круглые стекла пенсне.

Несмотря на то, что Бенджамин Кроу приходился мне родственником, я никогда не называла его по имени. Этот упитанный самодовольный мужчина был слишком важным в собственных глазах, и мне бы и в голову не пришло обратиться к нему как-то иначе, чем господин Кроу.

– Кузина Кэролайн, – заметив меня, снисходительно кивнул судья.

– Господин Кроу, – прохладно улыбнулась я.

– Дорогая, вы слышали новость? – тут же забыл обо мне Бенджамин.

Он подошел к жене и взял ее за руку таким собственническим жестом, как если бы Бет была принадлежащей ему вещью. Впрочем, для большинства мужчин жена была именно такой вот вещью, без права на собственное мнение и уж тем более без права на проявление своей воли.

– О чем вы, дорогой?

– Городской совет решил устроить народные гуляния по случаю Авадана. Ввиду того, что праздник выпал на будни, было принято решение перенести его на воскресенье. Так что гуляния состоятся ровно через две недели, и я уверен, это будет весьма полезное событие для горожан.

Боже, этот человек даже в обычной жизни говорит так, будто он на заседании суда!

Я отвлеклась от разговора супругов, обводя взглядом зал и отыскивая подходящих для моей цели мужчин. Вот Сэмюэль Ривз, средних лет вдовец и держатель акций «Пасифик Оил». А рядом с ним – Генрих Стаут, состоятельный рантье. Господин Стаут немолод, уныл и плешив, но это не мешает ему быть одним из завидных женихов Уэстена. Чуть дальше я заметила Мередита Поула, секретаря городского совета. Чиновник выглядел встревоженным и нервным, а взгляд его перебегал по лицам гостей с одинаковой тоской.

Мне стало грустно. О чем я только думала, собираясь на прием? Какое замужество? Какие женихи? Неужели я готова всю жизнь провести с одним из этих чужих и неприятных мужчин?

«Вот поэтому ты и живешь впроголодь, Кэри, – влез голос разума. – И если не образумишься, закончишь свою жизнь в долговой тюрьме, так же, как дядюшка Джобс».

Перед глазами тут же возникли неприглядные картинки: темная комнатуха в Найсберри, соломенный тюфяк на грубо сколоченной кровати, холодный очаг и хлебные корки, размоченные в миске с водой... И дядя, сидящий на колченогом стуле и невозмутимо посасывающий пустую трубку. Помню, когда впервые увидела дядюшку Джобса в стенах Найсберри, едва удержалась от слез и вывернула все карманы в поисках хоть одной завалящей монетки. К счастью, она нашлась, и я сумела организовать старику горячий обед. А потом отправилась к кухне Бетси с просьбой помочь родственнику. Жаль, что время выбрала неудачное – господин Кроу был дома и, выслушав мой эмоциональный рассказ, посоветовал предоставить Ирвина Джобса его судьбе и больше не беспокоить их с Бет нелепыми требованиями. «Я не так богат, чтобы содержать нищих родственников жены, – посмотрев на меня поверх пенсне своими холодными выпуклыми глазами, заявил он. – И уж тем более не обязан расплачиваться за ваши тунеядство и беспечность. Кстати, вам всем не помешало бы подумать о том, чтобы забыть свои былые замашки и найти себе занятие, приносящее доход». Что ж, господин

Кроу был очень убедителен. Больше я никогда не обращалась к родственникам с подобными просьбами. А занятие... Занятие у меня было, только дохода от него едва хватало на покрытие текущих расходов и выплату дядюшкиного долга.

– Кузина Кэролайн, вы сегодня хорошо выглядите, – отвлек меня от раздумий голос господина Кроу. – Это платье новое?

Родственник бесцеремонно оглядел меня с головы до ног и неодобрительно поджал губы.

– На вашем месте я бы не был столь расточителен, – заметил он.

– Стоит поблагодарить Господа, что вы не на моем месте, дорогой господин Кроу, – улыбнулась в ответ, скрывая за улыбкой иронию.

– Разумеется, дорогая кузина, разумеется, – серьезно ответил Кроу. Он не услышал в моих словах насмешки. – Когда я только начинал...

– Прошу меня извинить, я обещала господину Ривзу кадрили, – поспешила я сбежать от нотаций.

Если Кроу не остановить, он может долго вещать о пользе бережливости и разумного отношения к деньгам. А оно мне сейчас надо?

Я пробиралась сквозь толпу гостей, ненароком прислушиваясь к обрывкам разговоров и отвечая на приветствия знакомых. А заодно, размышляя над тем, кто из мужчин хоть немного подходит для моих планов.

«Воистину, Кэри, ты задумала просто невозможное дело, – ворчала про себя, разглядывая присутствующих на балу господ. – Ни одного мало-мальски сносного кандидата в мужья! И на ком ты собиралась применить свою магию? С молодыми, как выяснилось, связываться бесполезно, у них свои «Амелии Стрейн» имеются, с людьми постарше... А захотят ли они жениться на выдавшей виды вдове, когда могут взять молодую и неопытную?»

– Госпожа Дерт!

Громкий возглас заставил меня остановиться. По тому, какими заинтересованными стали лица окружающих, я уже знала, что увижу, когда обернусь.

– Вы тоже получили приглашение?

Ах ты ж слизняк! И сколько мнимого удивления в голосе! Будто не видел белую именную карточку в наш последний вечер.

– Здравствуйте, господин Стрейн, – как можно непринужденнее улыбнулась своему несостоявшемуся жениху. – Какая неожиданная встреча. Не припомню, чтобы вы собирались на этот прием.

Больше того, я твердо знала, что у доктора не было приглашения. По крайней мере, до нашего расставания так уж точно. А, понятно. Похоже, кто-то решил развлечь светское общество, позвав на бал несостоявшуюся пару, о которой судачит весь город. Что ж, узнаю уэстенцев.

– Меня пригласил лично господин Болтон, – самодовольно улыбнулся Гордон, а я почувствовала отвращение.

И с этим слизняком я собиралась связать свою жизнь?

Я незаметно огляделась и увидела, что все, кто находятся рядом, жадно прислушиваются к нашему разговору.

– Как поживаете, госпожа Дерт? – в голосе Стрейна звучала ирония и неприятная уверенность в собственной исключительности. В красивых голубых глазах больше не было прежнего обожания, одна только спесь. И этому человеку я готова была отдать свою руку?

– Благодарю, господин Стрейн, очень неплохо, – улыбнулась в ответ, стараясь не показывать своих истинных эмоций. – Как здоровье госпожи Стрейн?

Глупый вопрос. Что этой старой гримзе сделается?

– Матушка вполне здорова.

Гордон покосился на стоящих неподалеку мужчин, потом посмотрел на меня и чуть подался вперед.

– Вы танцуете, госпожа Дерт? – небрежно спросил он, но в его словах мне послышался какой-то подвох.

Неужели несостоявшийся жених рассчитывает услышать, что, после расставания с ним, я подпираю стену бального зала в постыдном одиночестве?

– Разумеется, господин Стрейн, – улыбка получилась естественной и непринужденной. – Моя бальная книжка заполнена почти полностью.

– Неужели? И следующий танец...

– Следующий танец госпожа Дерт танцует со мной, – раздался из-за моей спины знакомый низкий голос, в котором ясно слышались насмешливые нотки.

Проклятый флибустьер! Он не оставил мне выбора! Но как же вовремя он появился...

– Миледи, – Кейн остановился прямо передо мной и склонился в безукоризненном поклоне.

Слишком безукоризненном, чтобы быть принятым мной всерьез, как и обращение «миледи».

– Лорд Кейн.

Моя рука оказалась в твердых тисках, и банкир повел меня к танцующим.

Первые аккорды музыки заставили меня беззвучно выругаться. Вальс. Небеса что, издеваются? Действительно вальс? Тот танец, при котором близкий контакт с партнером неизбежен?

Будь у меня выбор...

Я вскинула подбородок и посмотрела в ледяные глаза банкира. Нет, выбора у меня не было. Если бы Кейн не появился так вовремя, Гордон вполне мог бы устроить некрасивую сцену. К этому все шло. И я даже примерно представляла, почему он это сделал. Та компания, на которую оглянулся Горди, состояла сплошь из молодых и богатых прожигателей жизни, предводительствовал которыми некто Оллес Финч, сын известного эшерского судовладельца. Многие из этих мужчин в свое время пытались добиться моей благосклонности, но, разумеется, не преуспели. Помню, поговаривали даже о некрасивом споре, который они затеяли, чтобы получить «прекрасный трофей», то есть меня. Трофей... Мерзкое слово. Только ничего у них не вышло. Похоже, они и подбили Гордона на какую-то глупую выходку.

– Можно спросить, милорд? – оказавшись почти в объятиях Кейна, спросила я.

– Да?

Флибустьер вскинул бровь, отчего его лицо стало выглядеть еще надменнее.

– Почему вы так настойчивы в своем желании со мной потанцевать?

– Считайте, что это моя прихоть, – усмехнулся Кейн, прижимая меня к себе так плотно, что это было почти на грани приличия. Именно что на грани, не переступая через нее, но и не позволяя мне чувствовать себя свободно.

Я всем телом ощущала близость пирата. И она меня тревожила, сбивала дыхание и заставляла вспомнить о том, как давно я не была с мужчиной. «Твои лучшие годы проходят в одиночестве, Кэри, – словно наяву, услышала я грустный голос дядюшки Джобса. – Это несправедливо. Молодая женщина не должна оставаться одна. У нее от этого портится характер». Что ж, скорее всего, дядя был прав. Мой характер определенно испортился и сейчас испортится еще больше, потому что я не намерена терпеть неуважение партнера.

– Не забывайте о приличиях, лорд Кейн, – как можно холоднее произнесла я и попыталась отстраниться, но сделать это в летящем круговороте вальса было не так просто. Руки партнера держали крепко, а его плечи казались выточенными из камня. Эту глыбу было не сокрушить ни словами, ни действиями.

– Разве вы не в курсе уэстенских сплетен? – спросил он.

В серых глазах мелькнула насмешка. Правда, мне почему-то показалось, что эта насмешка касалась не столько меня, сколько самого Кейна. Он будто иронизировал над собой и забавлялся собственной дурной славой.

– Разве не знаете, что я и приличия – совершенно несовместимые понятия?

И, словно в подтверждение своих слов, Кейн притянул меня еще ближе.

– Немедленно прекратите! – возмутилась в ответ, чувствуя, как загорается в крови неконтролируемый жар. Он охватывал тело, опалял щеки, сбивал дыхание... – Если вам хочется меня скомпрометировать, то это глупо.

– Да? Почему?

– Это уже сделали до вас, так что еще одна сплетня ничего не изменит.

– Вы об этом слизьяке Стрейне? – хмыкнул Кейн и закружил меня быстрее, не обращая никакого внимания на темп остальных пар.

А я удивилась тому, что банкир применил к Гордону то же выражение, что и я.

– Именно, – ответила партнеру.

– Забудьте о нем. Красивой женщине не пристало обращать внимания на сплетни. Они – неизбежная часть ее жизни.

Голос Кейна зазвучал вкрадчиво, в нем появились теплые, чувственные нотки. А рука, лежащая на моей талии, сдвинулась чуть ниже.

И именно в этот момент мимо нас проплыла в танце пара Элизабет и господина Уайтли, и я заметила, каким взглядом одарила меня кузина.

Я улыбнулась Бет и подняла глаза на партнера.

– Верните ее на место, – не прекращая улыбаться, приказала ему.

– Что, простите?

– Ваша рука. Верните ее на место.

Кейн нагло усмехнулся, но подчинился.

– Как скажете, миледи, – нарочито серьезно произнес он, а потом наклонился ко мне и прошептал: – Однажды вы позволите мне гораздо большее, чем мои руки на ваших... м-мм... бедрах.

– Уверены?

– Я никогда не проигрываю.

– Что ж, мои поздравления. Только я не играю в подобные игры.

На душе стало тоскливо. Неужели все мужчины одинаковы? Почему им так не терпится уложить меня в постель? Можно подумать, ни на что другое я не гожусь!

Кейн ничего не ответил. Он продолжал кружить меня, и я уже даже подумала, что он не придавал особого значения ни своим, ни моим словам, но ошиблась.

Музыка стихла, банкир проводил меня на место и, поклонившись, чтобы поблагодарить за танец, негромко спросил:

– Слышал, вам нужны деньги, госпожа Дерт?

Мне стало не по себе. Неужели об этом известно всем? Что, если вдобавок к несостоявшейся помолвке, уэстенцы примутся обсуждать и мою нищету? Или Кейн все-таки заметил меня в своем банке и поинтересовался у служащих, что я там делала?

– А разве есть люди, которым они не нужны?

Я постаралась взять себя в руки. Что бы ни было, терять хладнокровие рядом с таким типом, как Кейн, точно не стоило.

– Боюсь, вам они необходимы больше, чем многим другим. И срочно, не так ли? Сколько вы задолжали? Сто олдеров? Двести?

Серые глаза стали темнее, в них снова загорелся тот опасный огонек, который делал Кейна похожим на пирата.

– Я могу решить вашу проблему, – не дожидаясь ответа, сказал банкир.

Он говорил тихо, так, чтобы не услышали окружающие, но выглядел при этом невозмутимым, будто ничего особенного в нашем разговоре не было.

– Вы дадите мне ссуду?

Я внимательно взглядела в красивое лицо. Очень красивое, просто до неприличия. Мужчины не должны так выглядеть, это все же прерогатива женщины.

– Ссуду? – переспросил Кейн. – Да, я готов дать вам нужную сумму безо всяких гарантий и поручителей.

Он небрежно отвел со лба волосы.

– И что вы хотите взамен? – настороженно спросила я, понимая, что глупо ждать милости от флибустьера.

– Ваше тело.

Эти слова упали между нами, и мне показалось, что они застыли в воздухе, плавая прямо передо мной и наливаясь огненными отсветами, обжигая своим оскорбительным смыслом и насмехаясь над всем, что считается правильным и порядочным.

– Только тело? Без души? Простите, милорд, но они идут в комплекте. К тому же, ни мое тело, ни моя душа не продаются.

Я насмешливо улыбнулась, про себя желая проклятому пирату провалиться в преисподнюю.

– Неужели? И это не вы раздумываете над тем, кому себя продать? Ну же, признайтесь, кого вы выбрали для акта самопожертвования? Ривза? Стаута? Или доходягу Поула?

Кейн перечислял имена с серьезностью распорядителя аукциона, а мне хотелось закрыть ему рот рукой, чтобы не слышать, как обнажается неприглядная правда о моих не слишком чистых намерениях. Да, я действительно собиралась выйти замуж без любви, на одном только голом расчете, ну и что? Разве это не общепринятая практика?

– А может быть, вы надеетесь подцепить кого-нибудь побогаче? – не отставал Кейн. – Кто у нас тут есть?

Он демонстративно оглядел зал.

– Как вам Оливер Краун? Его последняя сделка принесла больше семи тысяч олдеров. Или лучше Ивен Грим, имеющий неплохие перспективы с наследством. Говорят, его дядя одной ногой в могиле.

– Вы не смеете...

Я задыхнулась. Да что он себе позволяет?! Кто он такой, чтобы меня судить? Разве я давала повод для подобных мыслей? Три года строгого траура, еще два года бесконечных попыток удержаться на плаву, да мне не то, что о мужчинах, мне о себе-то подумать некогда! А эти все... Холеные, сытые, уставшие от бесконечных побед... Что они понимают в моей жизни?

– Подумайте над моим предложением, госпожа Дерт, – усмехнулся Кейн и пошел прочь, не обращая никакого внимания ни на мое возмущение, ни на жадное любопытство окружающих.

Оставшаяся часть вечера прошла скомкано. Я почти не запомнила ни тех, с кем танцевала, ни тех, с кем разговаривала и смеялась, ни тех, кто бросал на меня заинтересованные взгляды. Жестокие слова Кейна не шли у меня из головы, и я придумывала все новые и новые ответы на них, а потом мучилась, пытаюсь понять, чем привлекла к себе такой двусмысленный интерес. До моего похода в банк Кейн меня даже не замечал. Какая муха его укусила?

«Успокойся, Кэри, – пыталась урезонить саму себя. – Не стоит обращать внимания на всякие глупости. И на тех, кто эти глупости произносит! Кейн привык к легким победам, но ты его трофеем не станешь, пусть даже не рассчитывает! Оглянись по сторонам, найди подходящего господина и проверь на нем силу своего внушения». Да. Так и следует поступить.

Я обвела глазами зал, прикидывая, кого принести в жертву собственным матримониальным планам. Взгляд остановился на секретаре Поуле и беседующем с ним полковнике Ренте. И

тот, и другой были холосты, оба обладали неплохим состоянием и оба давно лишились своих матерей. При этом Рент был уже в возрасте, а Поул – в самом соку, если использовать выражение Ильды. И мне оставалось выбрать из этих двоих того, кто не вызывал бы отвращения в качестве мужчины, с которым придется делить жизнь и постель.

Секретарь, словно почувствовав что-то, передернул плечами и завертел головой. Его худое нервное лицо побледнело, глаза тревожно забегали по толпе. Неужели почувствовал, что о нем кто-то думает?

Я решила не ждать милостей от судьбы и «пошла на абордаж»: неторопливо, стараясь не привлекать лишнего внимания, направилась к мужчинам и, проходя мимо них, невзначай обронила веер.

Полковник Рент тут же нагнулся, в попытке его поднять, но раненая нога оказала ему плохую услугу, и секретарь был быстрее.

– Госпожа Дерт, – на впалых щеках Поула вспыхнул румянец. – Кажется, это ваше.

Мерedit протянул мне веер.

– Благодарю, господин секретарь, – улыбнулась в ответ, стараясь выглядеть чуточку смущенной и в то же время заинтересованной в дальнейшей беседе.

– Вдова Дерт, – коротко поклонился стоящий рядом с Рентом Эдвард Хьюз, владелец единственной уэстенской гостиницы, а сам полковник кашлянул и пригладил пышные усы, как делал всегда, когда волновался.

– Госпожа Дерт, рад видеть вас на этом приеме, – произнес он своим глуховатым голосом. Небольшие умные глаза смотрели серьезно и пристально из-под кустистых бровей.

Полковник чем-то напоминал мне отца – статью, военной выправкой, даже небольшой хромотой. У папеньки было прострелено колено, а у Рента нога неудачно срослась после ранения. Я знала об этом из рассказа госпожи Олдени, сестры покойной жены полковника. Одно время она следила за моими занятиями с Бертиль и поведала много интересного о прошлом своего зятя. Служба в Аудакаре, саурская война, ранение и отставка – госпожа Олдени без устали живописала подробности, и мне казалось, что я знакома с Рентом очень давно, можно сказать, всю жизнь.

А еще я знала, что нравлюсь полковнику. Женщины всегда чувствуют такие вещи. И Поулу я тоже нравилась. Так кого же из этих двоих выбрать?

Боже, прости, но у меня нет другого выхода...

Прислушавшись к еле тлеющей искорке магии, посмотрела в глаза Ренту, а потом перевела взгляд на секретаря и попыталась внушить своим собеседникам чувства доверия и привязности. На первый раз этого было достаточно. В моем предприятии главная сложность заключалась в том, чтобы не вызвать подозрений ни у самих «кандидатов», ни у присутствующих на балу гостей. В последние двести лет магия внушения пользовалась в Эшере дурной славой. Она уходила корнями в языческое прошлое, к алайетам, жившим на месте нынешней империи задолго до прихода на эти земли колонистов, и Верховный совет магов считал ее опасной и вредной. Может, так оно и было, да только мне эта магия досталась от матери, а ей – от бабушки, у нас в роду все женщины владели даром, кто-то большим, кто-то меньшим, и никто, кроме, пожалуй, матушки, не принимал близко к сердцу заверения столичных магов. Разве может быть то, чем наградила природа, вредным?

– Не правда ли, Болтонам удаются прекрасные балы? – обращаясь ко мне, спросил Поул, а Хьюз важно кивнул, поддерживая это утверждение.

– Прекрасный вечер, господа, – согласилась я и, услышав звуки котильона, поторопилась проститься: – Прошу меня извинить, я обещала этот танец господину Стаксу.

Генри Стакс, один из самых влиятельных жителей Уэстена, подошел ко мне сразу после ухода Кейна и был очень любезен. Правда, я не спешила обмирать от восторга. Между банкиром и Стаксом весь последний год шло негласное соревнование. Оба были молоды, богаты,

и оба любили женщин. И, похоже, я сумела пробудить их интерес. Это было плохо. Точнее, не так. Это было очень плохо. В своем стремлении добиться желаемого эти господа не остановятся ни перед чем, это вам не глупый молодняк из компании Оллеса, а мне сейчас меньше всего нужно такое пристальное внимание.

– Конечно, столь прелестная леди просто обязана станцевать каждый танец на этом вечере, – немного насмешливо заметил Хьюз, а Поул неожиданно поклонился и поцеловал мне руку.

Ага. Видимо, моя магия все-таки подействовала.

– Необычайно рад нашей встрече, – негромко произнес секретарь, и его узкое, меланхолическое лицо расцвело, став почти приятным.

– Я тоже рада, господин Поул. Очень, – повторила тихо, так, чтобы услышал только секретарь.

И в этот момент я почувствовала между лопаток странное жжение. Повернувшись, наткнулась на понимающий взгляд флибустьера. В глазах Кейна застыла насмешка, он видел насквозь и меня, и мои уловки, и это было унижительно.

Я переборола возмущение и гордо вскинула голову. Мне нечего стыдиться. Как говаривал отец, на войне годятся любые средства, если они ведут к победе.

– Госпожа Дерт, – оказался рядом со мной Стакс.

Я приняла предложенную руку и постаралась выкинуть из головы проклятого пирата.

«Ты все делаешь правильно, Кэри. В мире, где правят мужчины, у женщины есть только одно средство, помогающее остаться на плаву – ее ум».

Звуки котильона поплыли по залу, холодная ладонь Генри крепко держала мою, и вскоре мы с ним оказались далеко и от Кейна, и от кандидатов в мужья. Я улыбалась Стаксу, легко скользила по паркету, а сама продумывала очередные шаги по завоеванию женихов.

Из дневника Дж. Кейна

15 августа

Поразительно! Пишу и не могу поверить.

Неужели удача повернулась ко мне лицом? Кто бы мог подумать! После стольких лет бесплодных усилий найти конец той ниточки, что может привести к самому истоку, к самому корню наших бед и все изменить. Нашел! И где? В старом добром Уэстене. И это после многочисленных городов и стран и тех долгих лет, что я провел в поисках. Только бы все получилось... Нет, о чем я? Все обязательно получится, осталось сделать один единственный шаг, и моя мечта станет реальностью.

ГЛАВА 3

Следующие несколько суток пролетели так быстро, что я их даже не заметила. Занятия с учениками, походы по ростовщикам, расставание с обручальным кольцом и картиной мэтра Джовелли, улещивание кредиторов и разговоры с нанимателями – все это слилось в один длинный и не слишком приятный день. Но мне удалось уплатить текущие долги, выторговать у госпожи Раут повышения платы за уроки с ее сыном и найти двух новых учеников.

Сегодня, проснувшись в предрассветную рань, я впервые за долгое время почувствовала, что обруч, стягивающий душу, немного ослаб, и дышать стало легче. Удивительное ощущение!

Я поднялась с постели и подошла к окну. Край неба уже слегка порозовел, предвещая наступление утра, из дома напротив вышла служанка и поставила рядом с крыльцом пустой бидон для молока. Она сонно потерла глаза, зевнула и собралась войти в дом, но почему-то замешкалась, остановилась и повернулась в сторону переуллка, соединяющего Карстон-сел с Гранви-роу. На лице девушки отразилось удивление.

Мне стало любопытно, что же она там заметила. Я отодвинула занавеску и прильнула к стеклу. Так-так-так... А что здесь делает мобиль лорда Кейна? Да еще и в такую рань. И где сам лорд?

Похоже, служанку мучили те же вопросы. Я видела, как она осторожно, мелкими шажками, двинулась в сторону огромного черного монстра, а потом остановилась и заглянула в окошко.

Когда служанка разогнулась, на лице ее было написано удивление.

Интересно, что же такого увидела девушка? Правда, подумать об этом я не успела. Дверца мобиля открылась, и из нее появился сам Кейн.

Он что-то сказал служанке, мне показалось, он ее о чем-то спросил, и та ответила, покусившись, при этом, на мой дом. Круглое миловидное личико девушки покраснелось, она нервно сцепила руки за спиной, и я усмехнулась. Похоже, обаяние Кейна действует на всех женщин без разбора – будь то аристократка или простая горничная, неважно.

Лорд задал еще один вопрос, выслушал ответ и кивнул. А потом достал из кармана полкера, протянул их девушке, и та охотно взяла монету. Похоже, кому-то с утра повезло...

Служанка застенчиво улыбнулась, поклонилась и посеменила к крыльцу, смешно виляя бедрами, а Кейн снова вернулся в мобиль. Смысл всей этой пантомимы был относительно понятен. Лорд явно хотел что-то узнать, но что? И какая нелегкая принесла его на нашу улицу?

Я задернула штору и задумалась. Чутье подсказывало, что появление Кейна как-то связано со мной. Только вот как? Зачем я ему сдалась? Неужели в Уэстене мало женщин, мечтающих пасть к его ногам?

– Ильда!

Звонка для вызова прислуги в моем доме не было, поэтому приходилось громко кричать.

– Да, госпожа.

Не прошло и минуты, как Ильда привычно протиснулась в узкую щель и замерла, внимательно глядя на меня своими темными выпуклыми глазами.

– Ты служанку Растов хорошо знаешь?

– Милли? Еще бы мне ее не знать. Лентяйка, каких поискать. А вы почему интересуетесь?

М-да. Бесцеремонность Ильды порой переходит все границы. Но сегодня она мне только на руку.

– Ты можешь узнать, о чем с ней говорил лорд Кейн?

– Лорд Кейн? С Милли?

Ильда уставилась на меня с недоумением.

– Уверены, что ничего не перепутали? Чтобы самый богатый и известный человек Уэстена общался с безродной служанкой? Кто вам такое сказал?

– Сама видела, не далее, как несколько минут назад. Да вон же и мобиль лорда Кейна, – я кивнула на окно, предлагая Ильде убедиться в моих словах.

Та отдернула занавеску, приткнулась к стеклу, повертела головой и повернулась ко мне.

– Видать, приснилось вам, госпожа. Нет там никакого мобиля. И лорда Кейна тоже нет.

– Как это нет? Я ведь его только что своими глазами видела!

– А я вам говорю, нет никого. И то, рань какая!

Я отодвинула Илью, выглянула в окно, но улица была пуста. Солнце уже поднялось над горизонтом, превратив белые стены домов в розовую пастилу, и в этом теплом свете мир заиграл яркими красками. Даже вечно хмурый пес Карпентеров сегодня казался не таким несчастным. Он смотрел на меня из-за чугунной решетки, и в его печальных карих глазах светилась толика надежды.

– И все равно, ты потом спроси у Милли, что говорил ей лорд Кейн. Но только осторожно, и меня не упоминай. Скажи, что видела мобиль лорда, поинтересуйся, что он мог тут делать. Ну не мне тебя учить.

– Да уж верно, – кивнула Иль. – Сама разберусь. Завтрак-то вам подавать?

Она сложила руки на животе и окинула меня придирчивым взглядом.

– Похудели-то как! В чем душа держится! – покачала головой служанка. – И все равно красавица. Ничего вас не берет, ни голод, ни горе.

Иль приготовилась развивать свою любимую тему, но я не была расположена выслушивать ее рассуждения.

– Подавай завтрак, а потом поможешь мне одеться, – пресекла я ненужный разговор.

– Пойдете куда-то? – проявила бдительность Иль.

В ее взгляде появилась подозрительность.

– Нанесу парочку визитов.

Я не стала рассказывать, что собираюсь навеститься к полковнику Ренту и заглянуть в городской совет, к секретарю Поулу. Надо было закрепить недавнее внушение, а для этого требовался личный контакт – взять за руку или незаметно коснуться плеча. Глупо было рассчитывать, что полученная передышка продлится дольше нескольких недель. Мне нужно было изловчиться и найти мужчину, готового жениться сразу, без долгих приготовлений и объявлений о помолвке.

Нет, понятно, что совсем уж без объявления не получится, но я просто обязана была уложиться в четыре недели. Ни к чему тянуть, раз уж решилась, надо действовать быстро, пока не передумала.

«Все получится, Кэри. Ты должна помнить только о деле, и не отвлекаться на несущественные мелочи!»

– Ильда, ты долго будешь сверлить меня взглядом? – сурово посмотрела на служанку.

– Уже бегу, госпожа, – кивнула та.

Ильда умела поразительно чутко улавливать мое настроение, и прекрасно понимала, когда стоит отступить.

Через несколько минут служанка вернулась с подносом, на котором были чайник с чашкой и тарелочка с тонюсенькими тостами. А рядом ютились креманка с джемом и пашотница.

– Приятного аппетита, госпожа.

Ильда поставила поднос на небольшой столик, я устроилась за ним и налила в чашку светло-золотистый керский чай. Терпкий, чуть горьковатый, напоенный солнцем высокогорных плантаций и обласканный свежим ветром Аукского ущелья. Это вам не «волшебные» травки! Пусть Иль купила совсем немного, но если экономить, на пару недель нам хватит.

Я неторопливо пила ароматный чай, разглядывала знакомый до последней крапинки фарфоровый чайник, и продумывала, что лучше надеть на встречу с «мужчиной моей мечты». Это должно было быть что-то такое, что поразило бы несчастного кандидата в самое сердце, заставило бы его забыть о разуме и отдаться инстинктам, вынудило бы смотреть только на меня и желать... Желать сделать что угодно, только бы заполучить меня в безраздельное владение.

– Достань синее бархатное платье, – сделав глоток восхитительно крепкого чая, велела служанке.

– То самое? – переспросила Иль, глядя на меня с сомнением и долей растерянности.

– Да.

– Но ведь...

– Не обсуждается, – оборвала я Ильду, прекрасно понимая, почему она растерялась.

Синее платье я надевала в день своего совершеннолетия. Оно было из той, благополучной жизни, и я берегла его, как могла, пытаюсь сохранить остатки прошлого в неприкосновенности. Но сейчас... Сейчас у меня не осталось выбора. Именно это платье могло преподнести мою внешность самым выигрышным способом. Оно было того же оттенка, что и мои глаза, подчеркивало их глубину, мягко подсвечивало нежный тон кожи и золото волос.

– Ну, как знаете, госпожа Кэролайн, – проворчала Ильда, и ее голова исчезла в недрах шкафа.

– Вот, – спустя несколько минут произнесла служанка, доставая завернутый в тонкую ткань наряд. – Совсем новое, вы его и надели-то всего один раз, на балу в честь вашего совершеннолетия. А на следующий день господин Роберт сделал вам предложение. Как сейчас помню, он такой счастливый был, воодушевленный, и на вас прямо наглядеться не мог.

В темных глазах Ильды появилась непривычная мягкость.

– Очень он вас любил, – расправляя платье и разглядывая его, негромко добавила служанка.

Любил... А еще он любил вино и карты, развлечения и всех, без разбора, женщин. Но все это я узнала уже позже, а тогда... Тогда я была юной восторженной девочкой, влюбленной и не замечающей ничего вокруг, не обращающей внимания ни на недовольство отца, ни на мягкие уговоры матушки. О нет. Я любила и была уверена, что буду счастлива с Робертом до конца жизни. Как легко верить в подобные сказки, когда тебе восемнадцать!

– Пойду приведу его в порядок, – оборвала мои воспоминания Ильда.

Она взяла платье и вышла из комнаты, но вскоре вернулась, помогла одеться и застыла, глядя на меня с нескрываемым восхищением.

Что ж, я никогда не была тщеславной и не кичилась своей внешностью, но сейчас, разглядывая собственное отражение, готова была признать правоту дядюшки Джобса, который называл меня настоящей красавицей.

«Твоя внешность, Кэри, это беда для мужчин, – говорил он. – Каждый из них захочет тобой обладать. И каждый будет несчастен, потому что в сочетании с твоим милым личиком идет острый ум и верное сердце, а это не та смесь, которую способен переварить заурядный мужчина. Нет, Кэри. Тебе нужен тот, кто сумеет оценить по достоинству не только твою привлекательность, но и разглядит за броской красотой золото души».

Эх, дядя-дядя... Где ж такого найти? Да и есть ли такие?

Я усмехнулась, наблюдая, как женщина в отражении усмехнулась в ответ, и вскинула подбородок.

«Давай, Кэри! У тебя все получится. Не может не получиться. У этих несчастных просто нет шансов».

– Вы к кому? – мелкий служащий совета поднял голову от учетной книги и уставился на меня поверх сползших на нос очков.

На круглом, лишенном растительности лице было написано тупое безразличие.

– К господину секретарю, – улыбнулась я, но бездушный чурбан даже не дрогнул.

– Вы записаны?

– Нет, но уверена, что господин Поул меня примет.

– Прием только по записи, – отрезал чиновник, склонился над книгой, и его перо снова заскрипело по бумаге.

– Доложите господину секретарю, что пришла госпожа Дерт, – не отступала я.

– Не могу. Прием только по записи, – уперся служащий.

Я бросила взгляд на табличку, стоящую на конторке, и мягко попросила:

– Послушайте, господин Эберли, вы ведь можете оказать мне услугу?

Зажатая в моей руке мелкая монета переключалась на стол и тут же исчезла, прихлопнутая толстой ладонью чиновника, а я постаралась применить свою магию убеждения.

– Мне очень нужно увидеть господина секретаря, – попросила, не отрывая взгляда от блестящей лысины служащего.

– Хорошо, – не поднимая головы, произнес тот. – Займите очередь перед кабинетом и ждите. Как только пройдут все, кто записывался, вы сможете попасть на прием.

Перо заскрипело с удвоенной силой.

– Благодарю, господин Эберли, – улыбнулась в ответ и направилась к кабинету Поула.

Городской совет занимал три этажа большого особняка, построенного архитектором Бернсом. К слову, Бернсом было построено не только здание совета. Он спроектировал большинство общественных учреждений в Уэстене: полицейскую управу, железнодорожный вокзал, мужскую гимназию и реальное училище. А еще – дома самых известных городских богачей – Кейнов, Рочеров, Барри и Стаксов.

Я поднималась по лестнице, вспоминая, как приходила сюда с отцом. Тогда нам не было нужды записываться на прием, полковнику Логану Уэтерби были открыты двери любого кабинета, и каждый чиновник совета за честь почитал поговорить с моим папенькой.

Я поднялась на второй этаж и свернула направо, к кабинету Поула, перед которым толпились посетители. Навскидку насчитала шесть человек. Это ж сколько мне ждать придется?

Я подошла к скамье и села на свободное место рядом с ветхой старушкой в черном платье и старомодном кружевном чепце.

– Вы тоже к господину секретарю? – тут же повернулась ко мне пожилая дама. – Так и я уже второй день хожу, – не дожидаясь ответа, зачастила она. – Сынок мой, Уиллар, скончался в прошлом месяце, вот, надеюсь пенсию получить. Он ведь у меня единственным кормильцем был.

Она достала из видавшей виды сумочки платок и утерла им глаза, а потом громко высморкалась и уставилась на меня беспокойным ищущим взглядом. Однажды я уже видела такой. У мамы. Она смотрела на отца, на его безжизненно повисшую руку и смотрела на меня с растерянностью и какой-то детской незащищенностью, словно ожидая, что я скажу, что все в порядке и папа просто уснул.

– Я уж господину секретарю объяснила, что за беда меня к нему привела, он обещал разобраться, велел завтра приходить. Я и пришла, жду вот, когда он меня вызовет, – продолжала рассказывать старушка.

– Кому она нужна со своей пенсией? – тихо проворчал стоящий поодаль пожилой господин в плохо сшитом нанковом костюме. – Никто ей ничего не заплатит, сына ее за пьянку еще месяц назад из управы уволили, так что не положено старухе ни олдера.

– Это ж завсегда, пока работаешь, так нужен, а как помрешь – никому и дела нет, – не к месту произнесла дородная дама в темно-лиловом платье, сидящая по другую руку от старушки, и, достав из ридикюля завернутый в салфетку пирожок, отломила большой кусок и отправила его в рот. – Сплошная несправедливость, – невнятно пробубнила она.

– Уж такой господин секретарь обходительный, – не слышала никого старая дама. – Все непременно разберемся, говорит. И все так ласково, и под ручку меня. Сам из кабинета проводил. Очень хороший человек, дай ему Бог здоровья.

Я с сочувствием посмотрела на нее и вздохнула. Вряд ли Поул поможет. Если все так, как говорит тот «нанковый» господин, то не видать несчастной ни пенсии, ни компенсации.

Когда сгорел родительский особняк, я тоже надеялась на то, что получу от страховой фирмы причитающиеся деньги. Да только не вышло. Оказалось, что действие страховки закончилось ровно за полчаса до пожара – дом загорелся в полпервого ночи, а страховка действовала до двенадцати. И мой отец не успел ее продлить – долгая тяжелая болезнь отняла у него память, а мама была далека от дел и слишком расстроена папиным состоянием, чтобы проследить за управляющим и суметь остановить наше разорение.

Я вспоминала полыхающий огонь, неподвижное тело папы, безумный крик маменьки, ее побелевшее лицо и закатившиеся глаза... И два гроба у алтаря уэстенской церкви. Мама не отпустила отца на тот свет одного, ушла вслед за ним. Доктор Лесли сказал, сердце не выдержало, но я-то знала, что матушка просто не захотела жить.

Я так глубоко задумалась, что не сразу заметила нового посетителя.

Взгляд скользнул по блестящим ботинкам, поднялся выше, остановился на знакомом надменном лице, и до меня медленно дошло, кто это. Кейн. Снова он.

Банкир взялся за ручку, собираясь войти в кабинет секретаря, и тут меня словно пружиной подкинуло.

– Здесь очередь, лорд Кейн, если вы не заметили, – сказала, с вызовом глядя на пирата.

– Госпожа Дерт, – чувственные губы растянулись в насмешливой улыбке. – Хотите, чтобы я впустую потерял полдня? Боюсь, мое время слишком дорого, чтобы тратить его так расточительно.

– Ваше время не дороже моего, лорд Кейн, – в том же тоне ответила мужчине.

Пират оценивающе осмотрел мое платье, задержался на груди, потом взглянул в глаза и усмехнулся.

– Что ж, очень может быть, – после небольшой паузы, произнес он. – Проходите.

Кейн распахнул дверь.

– Ну что же вы? – поторопил он. – Прошу.

Даже так? Его всемогущество дает мне возможность пройти без очереди?

Я гордо вскинула голову и шагнула в кабинет, ожидая, что Кейн закроет за мной дверь, но нет. Несносный пират вошел следом и взял меня под руку, придерживая и не позволяя сделать ни шагу.

В просторной комнате пахло слежавшимися газетами и табаком. Вот уж не думала, что Поул курит. Сам хозяин кабинета сидел за большим столом, на котором в идеальном порядке располагались письменные приборы, бронзовое пресс-папье, несколько разноцветных папок и раскрытая книга для записей. Сегодня Мередит выглядел совсем иначе – он казался надменным и важным, а в глазах его застыло осознание собственной значимости. Ничего общего с тем дерганым и неуверенным человеком, которого я видела на балу.

– Я же просил никого не входить, – недовольно процедил он, не поднимая глаз от бумаг.

– Добрый день, господин секретарь, – негромко поздоровался Кейн, и я усмехнулась, глядя, как меняется выражение худого лица.

– Лорд Кейн, какая приятная неожиданность! – покраснев, воскликнул Поул.

Он выскочил из-за стола и кинулся к двери.

– О, госпожа Дерт, и вы здесь! Поистине, сегодня удивительный день! – остановившись перед нами, зачастил Поул. – Рад, несказанно рад!

Секретарь кланялся и изгибался в угодливом поклоне, а я смотрела на него и думала о том, что не могу представить себя его женой. Как можно жить рядом с мужчиной, которого не уважаешь?

Улыбаться ему, слушать заискивающий голос и видеть, как он пресмыкается перед сильными и богатыми...

– Итак, чем могу служить, лорд Кейн? – заглядывая моему спутнику в глаза, лебезил Поул. Мне показалось, еще немного, и он начнет лобызать банкиру руки.

– Мой вопрос подождет, – усмехнулся Кейн, еле заметно подтолкнув меня вперед. – С удовольствием уступаю даме право начать первой.

В темно-серых глазах заплясали озорные огоньки. Уверена, Кейн прекрасно понял, что я пришла к Поулу с намерением подцепить его на крючок, и банкиру было любопытно посмотреть, как я буду выкручиваться.

Проклятый флибустьер! Как ему это удастся? Мне всего-то и нужно было перекинуться с Поулом парой слов и коснуться его руки, применив малую толику внушения, а что теперь? Не могу же я пользоваться магией при Кейне? Тот вполне может ее почувствовать, он ведь тоже маг!

Я лихорадочно соображала, что сказать.

– Господин секретарь, я хотела бы узнать насчет страховки, – решила воспользоваться давним случаем и занять мысли мужчин былым пожаром. – Когда сгорел особняк моих родителей, мне так и не удалось получить причитающиеся деньги. Не могли бы вы рассмотреть мое дело и посоветовать, как добиться от компании «Мерчем и Давенпорт» компенсации?

– Одну минутку, – засуетился Поул.

Он кинулся к высокому шкафу, открыл его и нажал кнопку небольшого магического табло. Оказывается, совет разорился на новую систему учета. Удивительно, учитывая, какой скряга наш мэр!

– В котором году случился пожар?

Чувствовалось, что Поул слегка рисуется передо мной.

– В девяносто четвертом, – ответила, наблюдая за деловитым секретарем.

– Так, тысяча восемьсот девяносто четвертый, – пробормотал тот, внося цифры в появившуюся таблицу. – Кэролайн Виктория Уэтерби Дерт, Логан Пакс Уэтерби и Эдит Мария Уэтерби. Ага. Вот ваши бумаги.

Он вытащил появившуюся из шкафа папку и принялся просматривать документы.

– Надеетесь запудрить ему мозги? – услышала я тихий вопрос Кейна и почувствовала пирата за своей спиной – близко, слишком близко, так, что ощутила аромат туалетной воды и свежее дыхание мужчины.

– Вы обо мне слишком плохого мнения, милорд, – так же еле слышно ответила я. – Интересно, почему?

– Я и в целом не очень высокого мнения о женщинах, – наклонившись ко мне и задевая губами мочку уха, усмехнулся тот. – Опыт, – пояснил он.

– У вас какой-то неправильный опыт, милорд.

Я сделала шаг вперед, уходя от нежеланной близости.

– Не стоит применять его ко всем женщинам без разбору, – я постаралась, чтобы голос звучал ровно, но что-то внутри меня дрожало, и эта дрожь просачивалась в произносимые слова, как мука сквозь сито.

– Считаете себя особенной? – серые глаза стали темнее, в них появился опасный хищный огонек. – Не такой, как все?

Ответить я не успела. Поул обернулся ко мне и с сожалением произнес:

– Простите, вдова Дерт, но я ничем не смогу вам помочь. По бумагам выходит, что на момент пожара особняк уже не был застрахован.

Как будто я этого не знала!

– Неужели совсем ничего нельзя сделать?

Я посмотрела на секретаря печально и чутьчку беспомощно. Раз уж невозможно было воспользоваться внушением, стоило хотя бы вызвать сочувствие и желание защитить.

– Увы, – расстроено вздохнул секретарь. – Я был бы рад вам помочь, но в данном случае бессилен.

Он нервно хрустнул пальцами. На тонком бледном лице снова вспыхнул румянец.

– Что ж, не буду отнимать у вас время. Спасибо, что выслушали, господин Поул.

Я улыбнулась краешками губ и послала секретарю особенно нежный взгляд. И даже еле слышный смешок Кейна меня не остановил.

– Всего доброго, господа, – я посмотрела на Поула, потом на банкира и пошла к двери, чувствуя на своей спине пристальные взгляды мужчин.

«Бессовестный флибустьер! – негодовала я, спускаясь по лестнице и пересекая просторный холл. – Почему он не может оставить меня в покое? С чего вдруг такой интерес? За те полтора года, что Кейн провел в Уэстене, мы с ним ни разу не пересекались, а тут уже четвертая встреча за две недели. Что ему от меня нужно?»

На ум приходило только одно – лорду стало скучно и захотелось новых ощущений. И я даже представляла, что именно он планирует. Куда как интересно уложить в постель добродетельную вдову и похвастаться потом перед приятелями, что «неприступная цитадель», которую ни один из них взять не смог, пала к его ногам.

Только Кейн заблуждается. Ни к чьим ногам я падать не собираюсь. Не нравится мне такая унижительная позиция.

– Всего доброго, госпожа, – открывая передо мной дверь, попрощался привратник.

– До свидания, – кивнула в ответ.

Дверь бесшумно закрылась за моей спиной, и я оказалась в гуще толпы. Повесело влагой, мокрой шерстью и типографской краской.

В утренние часы на Келлер-роу всегда было многолюдно и шумно. Но это неудивительно. Городской совет находился на главной улице Верхнего Уэстена, рядом располагались почта и «Уэстенский вестник», напротив высилось четырехэтажное здание полицейской управы, а чуть дальше начиналась Арвер-роу – улица богачей, на которой жили самые известные семьи Уэстена. Можно сказать, центр города, его сердце и средоточие основных богатств.

Я смотрела надвигающиеся по дороге ребсы и экипажи, на спешащих по своим делам прохожих и вездесущих мальчишек-разносчиков и думала о том, что делать. Сегодня у меня был назначен урок с Бертиль Рент, но до него оставалось еще больше полутора часов. Если прийти на урок раньше, это будет выглядеть не очень красиво. Я рассчитала время с учетом очереди в приемной Поула, но благодаря Кейну покончила с делами гораздо раньше. Правда, толку-то с того? Домой возвращаться глупо, но и бродить по городу просто так тоже неразумно. Может, зайти пока в «Ласкари», посмотреть на новые модели? То, что у меня нет денег на

обновки, еще не повод отказываться от развлечений. А что такое дамский магазин, как не развлечение? Тут тебе и услужливые продавщицы, и изящные наряды, и разноцветные ленты, и тончайшее белье.

Я представила душистый женский рай и решительно направилась к яркой вывеске «Ласкари» – большого двухэтажного универмага, расположенного на пересечении Келлер-роу и Арвер-роу. Бесшумные лифты, красные ковровые дорожки на лестницах, обилие позолоты и зеркал – все намекало о соседстве с одним из самых престижных кварталов Уэстена.

Я вошла в крутящиеся двери и огляделась.

В магазине было многолюдно. Похоже, все уэстенские дамы решили наведаться к мэтру Ласкари именно сегодня. Я заметила Мелинду Коуэнн, загородившую собой прилавок с аксессуарами, рядом с ней стояла ее кузина и что-то восторженно щебетала, примеряя длинные шелковые перчатки, чуть поодаль виднелась рыжая шевелюра Сары Браун – дочери мэра, а из обувного отдела доносился низкий голос Эмили Тернер, супруги владельца верфи.

Я огляделась и направилась к стойке, за которой стояла миловидная шатенка.

– Чем могу помочь, госпожа? – заученно улыбнулась та.

– Я хотела бы посмотреть новую коллекцию.

Ответить девушка не успела.

– Кэри! – услышала я знакомый голос и, обернувшись, увидела кузину Элизабет. – Ты тоже решила заглянуть в «Ласкари»?

Бет говорила слегка в нос, проглатывая окончания слов на столичный манер.

– Уже видела осенние новинки? Мэтр утверждает, что в этом сезоне в моде теплые цвета и глубокие винные тона. Ах, они мне так идут! Я готова скупить все!

Я слушала воодушевленную кузину и улыбалась ей, а в душе шла борьба. Может, рискнуть? Что, если Элизабет захочет помочь? Нет, для себя я бы просить не стала, но дядюшка Ирвин... С каждым днем ему все хуже, а я никак не могу найти денег, чтобы полностью погасить последний и самый малый из всех его долгов, на который не хватило вырученной от продажи дядиного особняка суммы.

Я задумчиво смотрела на кузину. Вообще-то Бет всегда была довольно доброй. До замужества. Это господин Кроу на нее повлиял, но сейчас она одна, без мужа, так почему бы не попробовать?

– Мэтр Ласкари такой талант! Ты бы видела мое новое платье для Авадана! Это просто невероятный шедевр! – щебетала Элизабет.

– Бетси, ты давно навещала дядюшку Джобса? – решившись, прервала я восторги кузины. Та сбилась, посмотрела на меня непонимающим взглядом, а потом нахмурилась.

– Фу, Кэри, о чем ты говоришь? Чтобы я пошла в то страшное место? Ни за что!

Бет поджала губы и быстро огляделась вокруг. Видимо, не хотела, чтобы кто-то из знакомых услышал наш разговор. Что ж, я ее понимала, но отступать не собиралась.

– Но ведь ты же помнишь, как дядя Ирвин тебя любил? А пони? Ты помнишь пони, которого он подарил тебе на день рождения? Как его звали? Мальчик?

– Мальчик, – кивнула Бетси. – Это был самый лучший пони на свете.

Лицо ее стало задумчивым, с него исчезло то надменное выражение, которое появилось в последние годы.

– А помнишь, какие магические игрушки он привозил из Араукара? Таких ни у кого больше не было. Неужели тебе не жаль дядюшку, Бет? Ему ведь недолго осталось. Если бы ты его навестила или хотя бы одолжила для него немного денег...

Договорить я не успела.

– Деньги! – оборвала меня Бет. – Вот оно, то, о чем предупреждал Бенджамин. Вам всем нужны от нас только деньги!

Ее голубые глаза стали холодными, губы сложились в презрительную усмешку.

– Можно подумать, они нам с неба падают! – процедила кузина. – Между прочим, мой муж трудится в поте лица и экономит каждый кер, чтобы обеспечить наше будущее, а дядя Ирвин растратил все свои средства впустую. И я не собираюсь помогать тому, кто пустил состояние по ветру! Я для этого недостаточно богата.

– Ваши покупки уже упаковали, госпожа, – вырос рядом с нами круглый, как сдобная булка, приказчик. – Через несколько минут их доставят по вашему адресу. Желаете еще что-нибудь посмотреть?

– Да, мне нужны пять ярдов кружевной тесьмы и дюжина жемчужных пуговиц, – тут же переключилась Бетси. Она мазнула по мне взглядом и холодно попрощалась: – Всего хорошего, кузина Кэролайн. И кстати, это платье давно уже вышло из моды, – не удержалась она от шпильки. – Ты выглядишь в нем старомодной матроной.

– И тебе всего хорошего, кузина Элизабет, – усмехнулась я. – Надеюсь, винные оттенки удачно подчеркнут твою белоснежную кожу, – позволила себе ответную колкость, вспомнив, что Бет всегда страдала из-за смуглого цвета лица.

Оборки модной юбки взметнулись, приоткрыв изящные ножки в шелковых чулках, и кузина поспешно направилась к стойке с аксессуарами, а я, улыбнувшись продавщице, ставшей невольной свидетельницей нашего разговора, развернулась и пошла к выходу.

Настроение рассматривать платья безвозвратно пропало.

ГЛАВА 4

К полковнику Ренту я пришла чуть раньше назначенного срока.

Постояла пару минут перед оградой с идеально постриженными кустами, вскинула взгляд на старинный, построенный в прошлом веке особняк, и попыталась собраться. От того, как пройдет этот визит, зависело мое будущее. С Поулом затея провалилась, так что мне не оставалось ничего другого, как обаять полковника Рента, причем, как можно быстрее.

Я ущипнула себя за щеки – нехитрый проверенный способ вызвать румянец, – вскинула подбородок и постучала бронзовой ручкой в дверь. Через несколько секунд та открылась.

– Госпожа Дерт, – сдержанно поприветствовал меня дворецкий полковника.

Джером и сам был похож на отставного военного: высокий, крупный, с густыми седыми бакенбардами и коротко стриженными волосами, он выглядел настоящим воякой и даже передвигался так, будто маршировал по плацу. При общении с дворецким мне все время казалось, что еще немного, и Джером щелкнет каблуками и возьмет под козырек.

– Добрый день, господин Джером, – поздоровалась я, входя в дом и отдавая дворецкому ридикюль.

В длинном узком холле было привычно тихо, и только из-за дверей гостиной долетали еле слышные звуки рояля. Видимо, Бертиль решила подготовиться к моему приходу.

– Господин полковник дома? – спросила я, пытаюсь привыкнуть к полумраку особняка. После дневного света контраст был разительным.

– Да, госпожа, – ответил дворецкий. – Хозяин сейчас в кабинете.

Несмотря на то, что я была всего лишь приходящей учительницей, в доме полковника ко мне относились с должным уважением. Надо сказать, в этом была заслуга самого Рента. Он всегда вел себя со мной так, будто я даю уроки музыки не за деньги, а по доброте душевной, и слуги это видели.

– Проводить вас к господину? – уточнил Джером, и я в который раз подивилась его проницательности.

Не знаю как, но дворецкий полковника умудрялся знать все и обо всех. И при этом из него невозможно было и слова лишнего вытянуть. Не удивлюсь, если Джером раньше служил в разведке. Интересно, как много он понял про мои намерения?

– Нет, я к Бертиль, – отрицательно качнула головой, стараясь не углубляться в ненужные размышления.

Что мне до мнения дворецкого? Джером может считать меня кем угодно, это совершенно неважно.

– Как скажете, госпожа Дерт, – бесстрастно произнес Джером.

По его лицу невозможно было понять, что он думает на самом деле.

Я сняла шляпку, поправила волосы и пошла в гостиную. Тонкий ковер на полу приглушал мои шаги, не позволяя нарушить тишину старого дома. Джером чеканил шаг чуть впереди. Он дошел до гостиной и взялся за вычурную бронзовую ручку. Высокие дубовые двери бесшумно открылись и так же бесшумно закрылись за моей спиной, и я попала в большую, заставленную тяжелой старомодной мебелью, гостиную. Обстановка комнаты была дорогой, но немного мрачной – громоздкие, обитые коричневым бархатом диваны и кресла, покрытые блестящим лаком горки, темно-синие с витиеватыми золотистыми узорами обои и большой концертный рояль. На придвинутой к нему скамье сидела бледная худенькая девочка и сосредоточенно играла «Кариэту» Кейне.

В воздухе стоял едва уловимый аромат засохших роз и восковой мастики.

Стоило мне войти, как звуки вальса оборвались, и моя ученица подняла голову и уставилась на меня своими странными, совсем не детскими глазами. Привычно стало не по себе под этим отрешенным, словно невидящим взглядом, но я так же привычно взяла себя в руки.

– Здравствуй, Бертиль, – улыбнулась девочке.

– Добрый день, госпожа Дерт, – после небольшой паузы тихо поздоровалась та, и ее лежащие на клавишах руки беспокойно дернулись.

Бертиль смотрела на меня пристально, не мигая, словно гипнотизируя. Бледные губы девочки чуть приоткрылись, и мне показалось, что она что-то шепчет.

– Ты подготовилась к уроку?

Я постаралась не обращать внимания на все эти странности.

– Да, госпожа Дерт, – кивнула Бертиль и уткнулась в ноты, но тут же вскинула взгляд на вошедшего в комнату отца.

– Госпожа Кэрлайн, вы уже пришли? – спросил полковник.

Он, прихрамывая и опираясь на трость, подошел ко мне и, вместо того, чтобы просто поклониться, взял мою руку и поднес ее к губам.

Сердце радостно подпрыгнуло. Боже! Выходит, вчерашнее внушение все же подействовало?

– Счастлив видеть вас в добром здравии, – голос Рента прозвучал непривычно взволнованно.

Да и сам полковник выглядел не так, как обычно. Сегодня на нем был новый костюм из далесской шерсти, белоснежная сорочка и красивый шелковый галстук, повязанный каким-то мудреным узлом. На смуглой щеке Рента я заметила свежий порез. Похоже, незадолго до моего прихода полковник брился.

– Вы не против моего присутствия на уроке? – с неохотой отпуская мою ладонь, спросил он.

– Разумеется, нет, – улыбнулась в ответ, добавив капельку внушения. Совсем немного, почти на грани обычной симпатии. – Мы с Бертиль будем только рады, правда, Бертиль? – посмотрела на девочку.

Та снова молча кивнула и перевернула страницу нотной тетради.

За тот год, что мы занимались, я так и не смогла заставить ученицу раскрыться. Дочь полковника росла замкнутым ребенком, почти ни с кем не общалась, и только музыка позволяла немного вытащить на свет то, что пряталось за насупленными светлыми бровями и угрюмой молчаливостью.

– С чего хочешь начать? С Кейне или со Струмана?

Я подошла к роялю и встала рядом с ученицей, разглядывая ее идеально ровный пробор и тонкие светлые косы, в которые были вплетены темные шелковые ленты. Взгляд опустился ниже, на унылое серое платье и черные чулки, и я вздохнула. Станный выбор одежды для маленькой девочки.

В душу прокралась жалость. И, как это часто бывало и раньше, захотелось обнять не в меру серьезную девчушку, защекотать ее, заставить рассмеяться. Все, что угодно, только бы не видеть этой невыносимо печальной мины. Дети не должны быть такими тихими. Это противоестественно.

– Бертиль? – переспросила у задумавшейся ученицы.

Та разгладила ладонями сгиб нотного сборника, а потом перевернула несколько страниц и остановила пальчик на «Эшерской рапсодии».

– Хорошо, значит, Струман, – согласилась я.

Попробовала бы не согласиться! При всей своей молчаливости, Бертиль была на редкость упрямой и своенравной. Нет, она не кричала и не устраивала истерик, но совершенно не тер-

пела, когда ее пытались к чему-то принудить, и мне приходилось с этим считаться. Как и со многими другими странностями.

Полковник тяжело опустился в кресло и достал трубку. Покрутив ее в руках и покосившись на дочь, отложил на стол. А потом чуть подался вперед и замер, уставившись на крышку рояля.

Не знаю, что за мысли бродили в его голове, но мне стало немного не по себе при виде его крупной фигуры. Наверное, я впервые заметила, какие большие у него руки.

Рент напоминал Аук-дан – мрачную, похожую на спящего великана гору в окрестностях Уэстена. Его лицо с высоким лбом и тяжелой квадратной челюстью трудно было назвать красивым, но было в нем что-то, что привлекало внимание и одновременно настораживало. И я впервые задумалась о том, что будет, если мы с полковником поженимся. Сумею ли я с ним ужиться? Вряд ли он потерпит, чтобы жена попыталась проявить свою волю. И что тогда делать? Я ведь не отличаюсь кротким нравом, который так ценят уэстенцы в женщинах. Нет, какое-то время я, конечно, смогу притворяться, но надолго ли меня хватит?

«Прекрати выискивать отговорки!» – одернула себя и присела на стул рядом с Бертиль. – Начнем? – отложив размышления на потом, улыбнулась ученице.

Бертиль сосредоточенно нахмурилась, положила руки на клавиши, и из-под ее пальчиков полились тихие звуки. Поначалу они были неуверенными, смазанными, но потом девочка освоилась, забыла о слушателях и стала играть гораздо лучше. А вторую часть так и вовсе неплохо.

Я наблюдала за движениями тонких рук, смотрела на сосредоточенное бледное лицо, на закушенную от усердия губу и думала о том, как быть.

Хочу ли я войти в эту семью? Сумею ли подстроиться под новые обязанности и новый жизненный уклад? Ведь в нем не будет места милым мелочам и той свободе, к которой я привыкла. Смогу ли привыкнуть и полюбить этот мрачный дом и его обитателей? На сердце стало беспокойно. Я смотрела на свою ученицу и пыталась понять, как она отнесется ко мне, если выяснится, что я стану ее мачехой? Сумеет ли принять мою любовь и желание помочь? Позволит ли отцу жениться? Сложные вопросы.

Я знала, что полковник души не чает в своей дочери. После смерти жены, умершей родами четыре года назад, Рент совсем не обращал внимания на женщин. Мрачный, нелюдимый, замкнутый, он жил почти отшельником, и только в последний год немного оправился и стал выходить в свет. Сын и наследник, которого так ждал полковник, умер через три дня после госпожи Рент, так что всю любовь и все силы полковник посвятил единственной дочери. И если та всерьез воспротивится его новому браку, то ее отец с легкостью пожертвует собственным счастьем и своими желаниями, и никакое магическое внушение тут не поможет.

Я покосилась на Рента и наткнулась на внимательный задумчивый взгляд. Похоже, полковник тоже о чем-то размышлял. Возможно даже, наши мысли текли в одном направлении. Казалось, Рент взвешивает за и против того судьбоносного решения, к которому я его подталкивала.

В карих глазах застыл незримый вопрос, и я поняла, что в этот момент решается мое будущее. Именно здесь и сейчас. Я чувствовала это обострившимися инстинктами, ощущала душой и не могла определиться, хочу ли брака с Рентом – немолодым, немногословным и совершенно закрытым мужчиной, или нет. Я словно воочию увидела, какой будет моя жизнь в этом мрачном доме: неторопливые обеды и ужины, занятия с Бертиль, редкие встречи с соседями, походы по воскресеньям в церковь и чинные ночи в темноте супружеской спальни.

Сердце снова тоскливо заныло, но я тут же шикнула на этот несносный орган. Казалось бы, такой маленький, а столько от него проблем и неприятностей, что просто невероятно! Любовь ему подавай...

«Ну же, Кэри, хватит глупостей! – решительно одернула себя. – Один раз ты уже вышла замуж по любви и что это тебе дало? До сих пор последствия расхлебываешь! Подумай лучше о дядюшке. Если Рент сделает предложение, то можно будет полностью выплатить дядины долги и вытащить старика из тюрьмы».

Я вспомнила худое, изможденное лицо дяди Ирвина и сжала кулаки. Не время поддаваться сантиментам. Пусть Рент немолод, пусть я не очень хорошо представляю, сумею ли с ним ужиться, но если это замужество поможет нам с дядюшкой Джобсом удержаться на плаву, то никакие сомнения не помешают мне окрутить полковника.

– Молодец, Бертиль, – дождавшись, пока ученица доиграет рапсодию до конца, похвалила я. – А теперь давай повторим начало, до пятнадцатого такта, чтобы закрепить результат.

Девочка подняла голову и уставилась на меня тяжелым, совершенно взрослым взглядом. Казалось, она тоже что-то решает, и я не была уверена, что ее решение будет в мою пользу. Бесцветные глаза смотрели неприязненно, с презрительным превосходством.

– Не хочу, – резко сказала Бертиль, продолжая разглядывать меня так, будто я была мерзкой жабой.

– А чего хочешь?

Я старалась не терять невозмутимости.

– Хочу, чтобы вы ушли, – с вызовом ответила девочка.

Ее тонкие губы по-старушечьи поджались, в светлых глазах загорелся злой огонек.

– Бертиль, что ты такое говоришь? – растерянно спросил полковник. – Госпожа Дерт настолько добра, что занимается с тобой. Ты должна относиться к ней с должным уважением.

– Она всего лишь прислуга, – холодно произнесла девочка.

М-да. Вот тебе и молчуны!

– Бертиль, немедленно извинись перед госпожой Кэролайн, – побагровел Рент. – Ты не смеешь... Госпожа Дерт – достойная дама и твои слова... Ты должна попросить за них прощения.

Он поднялся и, припадая на больную ногу, пересек гостиную.

– Бертиль? – нависнув над дочерью, настойчиво произнес полковник.

Та подняла на отца настороженный взгляд.

– Я жду, Бертиль, – нахмурился Рент.

– Простите, госпожа Дерт, – неохотно сказала девочка, не повернувшись в мою сторону и продолжая смотреть на своего отца.

– Ты готова перейти к Кейне? – я не стала заострять внимание на неприятном и перевернула страницу сборника.

Бертиль молча кивнула. Видно, поняла, что перегнула палку. Девочка уставилась в ноты, нахмурилась, а потом неуверенно заиграла вступление. И чем дольше она играла, тем понятнее становился смысл произошедшего. Как просто... Бертиль не выучила «Кариэту», потому и решила сорвать урок. Видно, не хотела опозориться перед отцом, вот и напустилась на меня с оскорблениями, надеялась, что я обижусь и уйду. Ха! Если я из-за каждой мелочи буду бросать учеников, то ничего хорошего из этого не выйдет. Просчиталась девочка, меня таким не проймешь.

– Давай вместе, – мягко сказала я, накрывая холодные маленькие пальцы. В душе снова шевельнулась жалость, и захотелось прижать упрямую ученицу к себе, согреть своим теплом и заставить растаять тот ледяной комочек, что засел в ее одиноком сердечке. – Вот так. Первый, третий, пятый, второй, третий, пятый и вступает вторая рука – третий, пятый, первый. Видишь? Все получается.

На бледных щеках вспыхнули красные пятна.

– А теперь давай сама.

Я отклонилась, позволяя Бертиль повторить трудное стаккато, и из-под ресниц взглянула на полковника. Тот стоял за спиной дочери и хмуро смотрел на клавиши рояля. В глазах его застыла тревога.

Мне стало жаль Рента. Наверное, это трудно, быть отцом девочки, да еще и столь свое-
нравной, как Бертиль.

Та играла «Кариэту» с таким выражением, будто хотела разбить инструмент вдребезги, и я не выдержала.

– На сегодня достаточно, – прервала мучения рояля и слушателей. – К следующему заня-
тию постарайся выучить произведение как следует.

Я поднялась со стула и посмотрела на Рента.

– Всего хорошего, господин полковник, – улыбнулась ему, с трудом найдя в себе силы
применить каплю магии.

С каждой минутой моя затея казалась мне все более неосуществимой. Полковник не
пойдет против дочери, а та сделает все, чтобы не позволить ему жениться. Что ж, надо отдать
Бертиль должное, чутье у нее развито отменно – эта маленькая женщина поразительно точно
угадала мои намерения, и тут же попыталась им воспрепятствовать. Может, у девочки есть дар
интуита? Наверное, она считает, что я собираюсь забрать у нее отца. Глупо... Вернее, это я
знаю, что это не так, но Бертиль...

– До свидания, Бертиль, – вздохнув, попрощалась с ученицей.

– До свидания, госпожа Дерт, – тихо ответила та, но в ее взгляде я прочла непримиримую
решимость отстоять свое. – Папа, ты возьмешь меня с собой на прогулку?

Бертиль повернулась к отцу и стиснула его руку. И этот собственнический жест лишь
подтвердил мои догадки. Да, нелегко мне придется...

– Разумеется, дорогая, – кивнул полковник. – Только провожу госпожу Дерт.

Девочка ничего не ответила. Она медленно слезла с обитой бархатом скамьи и закрыла
нотную тетрадь. Я видела, что она исподтишка наблюдает за мной. Незаметно, совсем как
взрослая.

Я сделала вид, что ничего не понимаю, и пошла к выходу.

– Можно вас на два слова, госпожа Дерт? – уже у двери догнал меня полковник.

– Разумеется, – постаралась ответить как можно равнодушнее, не желая провоцировать
девочку на глупости.

Мы с полковником вышли из гостиной, и он указал мне на дверь кабинета, расположен-
ного как раз напротив.

– Прошу, присядьте.

Едва мы с Рентом оказались в небольшой, скромно обставленной комнате, он подвел
меня к грубоватому, обитому кожей креслу, и помог сесть, а сам замер рядом.

– Вы позволите? – вынув из кармана кисет, спросил полковник.

– Конечно, курите.

Я рассматривала кабинет, понимая, что именно эта комната точнее всего отражает харак-
тер Рента. Если гостиная и холл выглядели тяжеловесными и помпезными, созданными не
для удобства, а для демонстрации статуса и богатства, то в этом убежище явно прослежи-
вались вкусы самого Рента. Обитый зеленым сукном письменный стол, плавающая над ним
магическая лампа, небольшой шкаф, заставленный книгами по выезде лошадей и фортифи-
кационным сооружениям, старинная карта Эшера на стене. В комнате не было ни одной лиш-
ней детали, ни одного украшения, даже пресс-папье выглядело простым и функциональным –
обычный камень, которому придали нужную форму.

Я перевела взгляд на Рента и поймала себя на мысли, что он кажется мне похожим на
этот самый камень – жизнь придала полковнику нужную форму, заковав в мундир традиций
и правил, и вряд ли он когда-нибудь от них отступит.

– Госпожа Дерт, – так и не закурив, начал Рент. – Кэролайн... Вы позволите мне так вас называть? – он бросил на меня взволнованный взгляд, но не стал дожидаться ответа и продолжил: – Я хотел бы принести извинения за выходку Бертиль. Не знаю, что случилось с моей дочерью, но обещаю поговорить с ней и примерно наказать. Она не должна была...

– Господин Рент, не нужно, – остановила я полковника, словно невзначай коснувшись его руки. – Не стоит ее наказывать. Думаю, Бертиль уже поняла, что была неправа.

Вряд ли, конечно, но что еще я могла сказать?

– Видите ли, госпожа Кэролайн, – вздохнул Рент. – Я не очень разбираюсь в вопросах воспитания. Бертиль слишком рано осталась без матери, она растет без женского присмотра, и мне... Я бы хотел...

Он запнулся, подбирая слова, и я затаила дыхание. Если чутье меня не подводит, Рент готов сделать предложение.

Я смотрела на серьезное лицо, на глубокие морщины, пересекающие высокий лоб, на резкие складки у губ, на кустистые брови и ждала. Ждала тех слов, что навсегда изменят мою жизнь. Ну же! Почему он медлит?

– Простите, вам, наверное, не слишком интересно слушать о наших проблемах, – неожиданно произнес полковник. Он подошел к столу, положил трубку и открыл один из ящиков. В карих глазах застыло сомнение. – Вот, тут плата за сегодняшний урок, – на зеленое сукно легли три монеты. – Прошу вас, госпожа Дерт, не принимайте близко к сердцу слова Бертиль. Она вас очень любит.

– Да, разумеется, – скрыв разочарование за улыбкой, поднялась с кресла. – Не переживайте, господин полковник, я все понимаю.

Я действительно понимала. После сегодняшней сцены полковнику нужно подумать, поговорить с Бертиль, попытаться ее уломать. И уже тогда... Боже, как же все сложно! Применить свою магию к Бертиль я не могу, она ведь еще ребенок и неизвестно, как на ней отразится постороннее внушение, а время идет, и ждать, когда полковник решится... Может, все-таки Поул?

Рент кивнул, снова взял со стола трубку и посмотрел так, будто не знал, что с ней делать.

– До свидания, господин полковник, – попрощалась я и решительно направилась к выходу.

«Что ж, Кэри, поражения нужно уметь принимать с достоинством, – вскинув голову, сказала самой себе. – Если закрылась одна дверь, где-то обязательно откроется другая».

Я вышла из кабинета, миновала холл и, попрощавшись с Джеромом, шагнула в серую непогоду.

– Дамочка, вас подвезти? – послышался веселый голос.

Рядом со мной остановился ребс, и с козел свесился молодой вихрастый парень. Круглое лицо пересекала широкая улыбка, из-под сдвинутого на затылок картуза смешно топорщились острые уши с кисточками на концах, руки, держащие вожжи, украшали крупные темные когти. Оборотень. Интересно, какая нелегкая занесла его в Уэстен? Обычно хвостатые избегают городов, предпочитая селиться поближе к природе, там, где они могут не скрывать свою вторую сущность, а этот почему-то в извозчики затесался. Одиночка? Или изгнанник?

– Негоже благородной леди пешком идти, – не отставал парень. – Садитесь, недорого возьму.

– Спасибо, мне недалеко, – отказалась я.

Не хватало еще с оборотнями разъезжать. Мало мне сплетен? И так весь город только обо мне и говорит. Точнее, о моей несостоявшейся помолвке.

– Так и быть, прокачу бесплатно, – не унимался извозчик. – Ну же, дамочка, не стесняйтесь. Моя карета в вашем полном распоряжении.

Он взмахнул рукой, описывая круг. Видимо, этот жест показался оборотню верхом галантности, потому что он довольно улыбнулся и подмигнул.

М-да. Веселый малый. Я уже собиралась отказаться, но случайно бросила взгляд на противоположную сторону улицы и беззвучно выругалась. На тротуаре, по диагонали от меня, застыла Долли Марчем и с жадным любопытством взирала на происходящее представление. Следит она за мной, что ли?

Я с трудом сдержала крепкое словцо. Нельзя допустить, чтобы старая сплетница перешла через дорогу и привязалась ко мне с расспросами, не в том я сейчас настроении, чтобы вежливо выслушивать фальшивое сочувствие. Нужно бежать, пока Долли не опомнилась.

– Ладно, поезжай к Найсберри, – велела оборотню и поднялась на ступеньку. – Остановишь у главных ворот.

– Слушаюсь, нера, – довольно произнес парень, обращаясь ко мне на старинный манер. – Доставлю в лучшем виде. Устраивайтесь поудобнее, – дождавшись, пока я займу место в кабинке, сказал он и залихватски прикрикнул на лошадей: – Но! Пошли, бедовые!

Пристяжные резко тронулись с места, ребс дернулся и с грохотом покатил по булыжной мостовой, оставляя позади и дом полковника Рента, и мои несбывшиеся надежды, и раздосадованную Долли Марчем.

Я уставилась в окно, задумчиво разглядывая пролетающие мимо дома. Ребс потряхивало на поворотах, в голове крутились мысли о произошедшем, на сердце было беспокойно. Стоит ли продолжать «осаду» Рента, или переключиться на Поула? Вроде бы полковник был уже почти готов к предложению, не мог же он просто так назвать меня по имени? Нет, только не Рент. Такие фамильярности не в его духе. А с другой стороны, у Поула нет никаких родственников, а значит и препятствий меньше. Но ведь Кейн наверняка использовал свое влияние, чтобы заставить секретаря от меня отказаться. Или я все придумываю, и пират приходил в Совет вовсе не за этим?

Я вспоминала нашу последнюю встречу, перебирала в уме слова и взгляды Кейна, и вдруг почувствовала, как что-то неуловимо изменилось. Узкое пространство ребса подернулось едва заметной дымкой, а потом воздух сгустился, стал плотным, почти осязаемым, и меня закружило в странном вихре ощущений и эмоций. Чье-то тихое дыхание, теплая рука, коснувшаяся моей ладони, чувство защиты и уверенности в том, что больше я никогда не буду одна... Сердце сладко защемило. Как же мне этого не хватало! Я словно вернулась в прошлое, в котором у меня были любящие родители, муж, молодость и восхитительная уверенность в завтрашнем дне.

Взгляд метнулся по узкому пространству ребса, в поисках того, чье присутствие я так явственно ощущала, но напрасно. Незвестный не желал, чтобы его обнаружили. Я протянула руку, пытаясь хотя бы на ощупь найти своего бестелесного спутника, но нет. Ладонь наткнулась на холодное дерево скамьи. Со мной играли в прятки.

И все-таки интересно, как этому существу удалось вернуть меня прежнюю? Каким образом он сумел это сделать?

Я смотрела вокруг, но никого не видела. Обычная кабинка ребса, в которой я сидела одна. Или все же не одна?

Что за чудеса? Откуда здесь кому-либо взяться? Магия? Но у нас в Уэстене нет никого из высших, а такие способности доступны только им. Но тогда откуда взялось это странное ощущение?

Правда, подумать как следует не успела. Щеки, лоб, шея – их невесомо касались чьи-то губы. На ноге, чуть выше колена, замерли невидимые пальцы. Их прикосновение было таким

горячим и будоражащим, что пробирало до самых глубин, будило давно забытые эмоции, горячило кровь и заставляло ее быстрее бежать по венам.

Я попыталась дернуться, но ничего не вышло. Тело меня не слушалось. По лицу скользнул легкий холодок. Боже... Откуда это странное чувство предвкушения и щекочущее тепло, скручивающееся в животе невидимой пружиной? Ее спирали сжимались все сильнее, заставляя дыхание сбиваться, а сердце биться быстрее, словно бы в ожидании того, что последует дальше.

Настырные пальцы продвинулись чуть выше, заставляя меня прикусить губу, сдерживая стон. Да что же это такое?

Я снова попыталась пошевелиться и скинуть невидимую руку, но напрасно. Незвестный, чье присутствие я так явственно ощущала, не позволил. По моим губам скользнул легкий поцелуй, через секунду превратившийся в глубокий, тягучий, чувственный...

Он заставил меня забыть о сопротивлении, разрушил так давно и надежно возводимые стены и сумел лишить разума и принципов.

Губы... Они были то нежными, то жалящими, выпивающими мое дыхание и наполняющими жизнью. Они и были самой жизнью, а я ведь так давно и не жила вовсе, закованная в броню своей добродетели, как в железные латы.

– Кто ты? – сумев оторваться от своего невидимого любовника, прошептала я, и в тот же миг мне показалось, что я хорошо его знаю. Причем очень давно.

– Как тебя зовут?

В ответ послышался короткий смешок, по моей щеке пробежал легкий ветерок и... я очнулась.

Темная кабинка, тонкие деревянные стенки, дрожащий под ногами дощатый пол... Неужели я уснула прямо в ребсе? Какой кошмар!

В теле бродило то хмельное, что захватило меня во сне, но я постаралась взять себя в руки и успокоиться. Мало ли что мне приснилось? Не хватало еще обращать внимания на всякие... кошмары, какими бы сладкими те ни были!

Я вспомнила привидевшийся поцелуй и коснулась пальцами губ. Мне кажется, или они действительно припухшие? Ох, о чем я только думаю?

Я выглянула в окно и поправила шляпку. До Найсберри оставалось всего два квартала.

Еще со времен первых поселенцев долговая тюрьма находилась почти в центре города, в районе Эллекроу. Вернее, поначалу это была просто тюрьма, но потом, после того как город разросся и растянулся вдоль побережья, преступников стало больше, и старое здание уже не могло вместить всех нарушителей закона. Вот уэстенцы и перенесли тюрьму за город, а в Найсберри устроили богадельню для одиноких стариков. Правда, со временем и это заведение приказало долго жить, и в бывшей тюрьме обосновались безнадежные неплательщики, задолжавшие большие суммы банку или частным лицам.

Ребс громко заскрипел и остановился перед двухэтажным домом с закопченными после недавнего пожара стенами.

– Приехали, нера, – громко объявил извозчик, словно я сама не могла догадаться, где мы. Хмыкнув, вышла перед низкими чугунными воротами и протянула парню полкера.

– Обижаете, нера, – сверкнул белозубой улыбкой оборотень. – Ваед слово держит, сказал – бесплатно, значит, бесплатно.

Я посмотрела на хитрое веснушчатое лицо и усмехнулась.

– Что, и ничего взамен не попросишь?

Парень посерьезнел, и сразу стал выглядеть старше и жестче.

– Пожелайте мне удачи, нера, – тихо сказал он. – Она мне не помешает.

Желтые глаза блеснули горячим огнем.

– Что ж, удачи тебе, – от души произнесла я, удивляясь тому, что оборотень почувствовал мою магию. – И спасибо, что подвез.

– На здоровье, нера, – хмыкнул парень, взмахнул кнутом, понукая лошадей, и поехал прочь.

А я осталась смотреть ему вслед, раздумывая над тем, где могла видеть этого парнишку. Что-то в его лице показалось мне знакомым, но я никак не могла уловить, что.

– Вдова Дерт! – вырвал меня из размышлений голос привратника. – Заходить будете? А то через полчаса закрою.

– Да, конечно. Добрый день, господин Даблин, – опомнилась я и торопливо пошла к приоткрытой створке ворот. – Дядя сегодня обедал?

– Ох, вдова, вы же знаете, какой он, – вздохнул привратник, пропуская меня во двор. – Если господину Джобсу не напомнить, так он про еду и не вспомнит.

Это да. В последнее время дядюшка Ирвин постоянно забывает о времени обеда и ужина. За минувший год он сильно сдал, и ел совсем мало, как птичка. Иногда мне даже приходилось кормить его с ложки.

– Что сегодня у Сола готовили?

Сол был хозяином небольшой таверны «Королевский кабан», расположенной прямо напротив тюрьмы, и цены у него были не такие высокие, как в соседней «Короне». В «Кабан» заглядывала самая разная публика: небогатые купцы и ремесленники, чернорабочие и посетители Найсберри.

– Жаркое, – подсказал привратник. – Взять порцию?

– Да. И кружку эля.

Я сунула Даблину монету и добавила полкера за труды.

– Сделаю, – крикнул привратник, открывая мне дверь в душное помещение тюрьмы. – Минут через пять принесу, Сол без очереди отпустит.

Соломон Крук был приятелем Даблина. Не знаю, кто из них появился в этом районе первым, но мне казалось, что они были такой же неотъемлемой частью Эллекроу, как и долговая тюрьма, и узкая лента канала, и виднеющиеся вдали мачты кораблей, стоящих на ремонте в уэстенской верфи.

Длинный коридор привел меня к лестнице. Ее ступени безбожно скрипели, и пока я поднималась, вокруг стоял настоящий деревянный стон, эхом отдающийся в гулких переходах. Помню, когда попала сюда впервые, мне даже показалось, что это плачут неупокоенные духи, но сейчас я уже не обращала внимания ни на ухающие звуки, ни на ужасающую вонь, ни на глухой кашель, доносящийся из-за многочисленных дверей. Чахотка была верной спутницей обитателей Найсберри.

Дядина комната находилась в самом конце второго этажа. Я коротко постучала и потянула на себя щелястую дверь, входя в тесную, похожую на узкий пенал комнатку.

Дядюшка сидел у окна на высокой табуретке и смотрел вниз, на грязный двор тюрьмы.

– Дядя Ирвин! – окликнула я родственника.

– Кэролайн?

Дядюшка повернулся, и на его худом, не лишенном черт былой красоты лице расцвела улыбка. На душе стало легче, и сразу же забылись недавние неприятности. Так было всегда. Стоило оказаться рядом с ним, как мне начинало казаться, что я наконец-то вернулась домой, к родному очагу, к своим корням.

– Как ты себя чувствуешь, дядя Ирвин? – поцеловав колючую щеку, провела ладонью по худому плечу и стряхнула с темного рукава табачную пыль.

– Как давно я тебя не видел, – попенял мне дядюшка. – Отчего ты так долго не приходила?

– Как же долго, дядя? Я только позавчера была. Ты мне еще рассказывал о дорской войне, помнишь?

– Да? – озадаченно нахмурился дядюшка. – Что ж, видимо, я забыл.

В его ярко-синих, совсем не старческих глазах промелькнула растерянность, а у меня больно сжалось сердце. Дядюшка стремительно терял память, но происходило это как-то странно. Он не помнил того, что было несколько минут назад, зато мог без усталости рассказывать мне о своей молодости или о тех годах, когда был капером на «Янтарном».

Я не удержалась и обняла старика. Когда дядюшка Ирвин только попал в Найсберри, он был уже очень немолодым, но довольно крупным и мускулистым мужчиной, а сейчас под моими руками ощущались сплошные кости да острые углы.

– Ты сегодня что-нибудь ел?

Я с тревогой всмотрелась в чистые, незамутненные волнениями и страхами глаза.

– Да, наверное, – дядюшка Ирвин равнодушно пожал плечами.

Его мало заботило собственное существование. За минувшие шесть лет он успел смириться со своей участью и просто ждал конца.

«Нельзя бороться с неизбежным», – философски говорил он мне, но я не готова была с этим согласиться.

Нет. Я надеялась однажды вытащить дядюшку из затхлой сырости Найсберри и упорно «боролась с неизбежным», не собираясь сдаваться. Ничего. Однажды у меня все получится. Больше я не позволю судьбе забирать у меня родных. Хватит и того, что она получила. Отец, мама, Роберт... Дядя Ирвин ни за что не пополнит этот список.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.